

Наталья
18+
Попова

ДРАГОЦЕННОСТИ
ФРАУ ЭЛИЗАБЕТ

Наталья Попова

Драгоценности фрау Элизабет

«Издательские решения»

Попова Н.

Драгоценности фрау Элизабет / Н. Попова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832178-8

Любовь — это жизнь! Каждый человек стремится найти ее. Не стоит спешить за тридевять земель! Твое всегда рядом с тобой. Нужно только разглядеть и не пройти мимо! Главная героиня романа — Лена Свиридова. Переводчик из провинциального городка. Она переживает большие трудности в жизни. Удастся ли ей достойно пройти через все это, стать мудрой и постичь истинную ценность любви? Всем счастья и огромной, всепоглощающей любви! С любовью и уважением, ваша Наталья Попова Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-832178-8

© Попова Н.

© Издательские решения

Содержание

Драгоценности фрау Элизабет	6
Франц	11
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Драгоценности фрау Элизабет

Наталья Попова

*По-настоящему завоевать сердце
дорого человека способны
только любовь и благочестие!*

© Наталья Попова, 2016

© Алиса Кисель, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-2178-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Драгоценности фрау Элизабет

Итак. Я пришла к выводу, что мне нужно подвести, если не окончательный, то так сказать, подытог моей жизни. Такую ревизию делать время от времени рекомендуется. Для чего?! Чтобы проверить направление, в котором нужно двигаться! Чтобы цели стали более ясными, потому что с течением времени все имеет склонность искажаться.

Ну-с! Что я имею на сегодняшний день? Я – дама в самом расцвете лет и весьма приятной наружности. Сегодня самый главный и самый счастливый день в моей жизни! Сегодня я выхожу замуж за самого дорогого и любимого мною человека. Сегодня я официально стану госпожой Гордеевой! У меня есть чудесная дочка, что меня бесконечно радует. Мысль о моей уже взрослой дочери сразу согревает душу и все пережитое представляется мне не таким ужасным. Даже наоборот. Все мои страдания окупилась сполна, ведь Господь наградил меня таким чудом.

Лиза и Клава суетятся у праздничного стола, что-то доставляют, поправляют. А я стою в свадебном наряде перед зеркалом в своей старой квартире – скромной двушке, в хрущобе сорокалетней давности, которая досталась мне от моих покойных родителей. Это Лиза настояла на том, что папа Витя должен забрать меня из старой квартиры, как настоящую невесту. Только сейчас я оценила ее идею. Действительно. Несмотря на то, что мы с Виктором прожили уже много лет вместе, я ужасно волнуюсь в ожидании своего жениха. Невольно вспоминается, пройденный нами вместе, такой непростой путь. Жизнь провела нас через серьезные трудности. И всякий раз мы были не просто рядом, а вместе. Наше финансовое положение сейчас более чем стабильно, хотя еще совсем недавно все было с точностью до наоборот. Видимо, моя нищета и была той движущей силой, что была мне необходима в определенный момент моей жизни.

– Фи, какая глупость! – скажете вы, – что хорошего и полезного может извлечь для себя человек, находясь в «стесненном» материальном положении?

А вот и не скажите! Человек – это такое существо, которое при любых обстоятельствах будет цепляться за жизнь, и искать выход из «заднего прохода», в который, время от времени, может попасть каждый. Когда вам кажется, что все совсем плохо, обязательно появляется побудительный мотив к действию.

Достигнув в свое время некоего уровня благополучия, я уверилась в вечной стабильности моего положения. И напрасно! Теперь я отчетливо понимаю, что как только я сказала себе, что у меня все хорошо, и я могу остановиться, в тот же миг началось движение вниз. Жизнь – маятник! Только достигнув самой нижней точки и оттолкнувшись от нее, можно снова подняться вверх. Для многих, в том числе и для меня, любая разновидность нищеты или серьезная потеря и есть та самая точка, осознав которую, человек делает все, от него зависящее, чтобы снова начать движение вверх.

Все в моей жизни происходило сначала незаметно и постепенно. А через некоторое время я попала в такой водоворот событий! Они-то и легли в основу этой истории.

Судьба до определенного момента лелеяла и баловала меня. У меня были любящие родители. Они в своей жизни не достигли никаких особенных высот ни в материальном смысле, ни в общественном положении. Но одно в своей жизни они исполнили на «отлично». Свой родительский долг. Они дали мне все, что могли дать. Мама и папа любили меня, и я это чувствовала каждую минуту. Я получила прекрасное образование. Будучи от природы человеком весьма одаренным, я безо всяких трудностей окончила школу, а затем и ИНЯЗ и обладала вполне приличными познаниями в немецком и английском языках. Моя незаурядная внешность служила чудесным дополнением ко всем моим прочим достоинствам.

Итак, я была молода, красива, умна, хорошо образована и имела врожденное чутье быть всегда в нужном месте и в нужное время. Плюс ко всему я была рождена под знаком Скорпиона в год Обезьяны! Сведущим людям это поведает о многом. Для тех же, кто не силен в астрологии, скажу только одно: «Скорпионо-Обезьян» называют мешком хитростей. Всеми качествами, присущими моим собратьям, я обладала в полной мере. Я тонко чувствовала людей, их сильные и слабые стороны, могла прогнозировать ситуации и просчитывать нужные варианты. Но... Видимо, в момент моего рождения вмешался кто-то свыше, и мне не доложили наглости и дерзости, и переборщили с порядочностью. Обладая обостренной интуицией, я всегда знала, как и что нужно было бы сделать, но стеснялась пользоваться своими преимуществами. Мне было откровенно стыдно манипулировать людьми, расставляя их фигурами на доске своей игры. Мне казалось, что все всё понимают. Мне было совестно играть на чувствах людей, точнее сказать мужчин. Тем более, на основном инстинкте. Я прекрасно осознавала, что практически все мужчины, с которыми мне доводилось общаться, были не прочь поиграть со мной. Но ведь только поиграть! Причем, желательно, по своим правилам. Даже в свои двадцать пять я к этому не была готова. У меня не было подобного опыта. Я выросла в семье, где все было просто и честно. Мои родители любили друг друга. Ни о каких флиртах, а тем более отношениях ради развлечения или выгоды, не было и речи. И я была такой же. Я никак не вписывалась в современные рамки со своими внутренними устоями. Я продолжала ждать большой любви и надеялась стать счастливой. Хотя, несколько раз в то время я все-таки пробовала вести игру по своим правилам. И, представьте! Все получалось с точностью до «муллиметра», как говаривал славный Петросян. Люди говорили, реагировали на слова, двигались и действовали в соответствии с моим планом. Браво! По психологии отлично! Но на душе в тот момент было, мягко говоря, не очень. Только теперь, по прошествии стольких лет, я поняла, какого дала маху! Хотя... Как знать!

Но тогда я приняла для себя решение, оставаться честной и порядочной, всего добиться своим умом, а не интригами, головой, а не нижней частью своего женского тела, ибо свято верила в то, что окружающие меня люди, просто не могут не оценить меня по достоинству. Вот тут все и началось!

Судьба распорядилась так, что я получила хорошее место в фирме, которая много работала с иностранцами. Мои обязанности как раз и заключались в том, что все приезжающие партнеры и гости находились на моем попечении. Почти каждый день я была занята, как я в то время выражалась, от «доброго утра» и до «спокойной ночи».

Юная идеалистка! Я была убеждена в необходимости и важности своей работы. Природное чувство языка сослужило мне верную службу. Совсем немного времени мне потребовалось для того, чтобы легко освоить разностороннюю и специфическую терминологию. Теперь-то я отчетливо понимаю, как ликовали мои начальники, когда осознали, какой клад они получили. И почти даром! Зарплата моя в те времена была настолько скромной, что и вспоминать неприлично. Но я убеждала себя в том, что принцип «сначала ты работаешь на авторитет, а потом авторитет работает на тебя» непременно покажет себя в действии. Боже! Как я старалась быть полезной и нужной! И добились-таки этого. Ни одна встреча, ни одни переговоры, вскоре, не обходились без меня. Перевод любой сложности, от бытовых тем до самых сложных технических?! Легко! Плюс ко всему молодость и элегантная внешность, обаяние и такт, веселый нрав и чувство юмора. Я умела деликатно разрядить напряженную обстановку, а такое на переговорах случается нередко, вставить нужное слово, когда ситуация заходит в тупик. Как часто я, сама того не осознавая в полной мере, подсказывала договаривающимся сторонам верное решение или могла склонить одну из сторон к разумной уступке! И при этом мне хватало ума обставить все так, что никто из «высоких договаривающихся сторон» не ощущал моего прямого участия в обсуждении. Ведь дело переводчика только переводить, а не высказывать свои умозаключения, до тех пор, пока его об этом не просят.

Дело шло, бизнес процветал! Мой директор был явно доволен тем, что я всегда рядом и на высоте, но до некоторых пор присматривался ко мне и держался вполне официально. Продолжая служить с радостью и полной самоотдачей, я все-таки вскоре сделала для себя неприятное открытие. Часто наши партнеры, в моем присутствии, разумеется, потому что переводила-то я, откровенно восхищаясь мной, просили шефа поощрить меня материально. В такие минуты мне всегда было неловко, как-будто я сама выпрашиваю себе поощрение. А мой шеф только довольно улыбался и поглядывал на меня многозначительно. Но еще более неуютно я стала чувствовать себя, когда, со временем, обнаружила, что он стал позволять себе фамильярно потрепать меня по руке или погладить по спине, как гладят и треплют верную собаку. Выслушивая положительные отзывы о моей работе, знании языков, комплименты в мой адрес, как интересной женщины, он постепенно стал относиться ко мне, как к своей собственности! Еще через некоторое время он, видимо, решил, что я созрела, и начал более активно проявлять свою благосклонность. Сначала было осязаемое повышение заработной платы, а потом, как водится, липкое выжидание благодарности за «благоедеяние».

Я просекла ситуацию еще задолго до явных проявлений его симпатии, но ругала себя последними словами за то, что так плохо могла подумать об этом, казавшемся мне вначале недостижимым, человеку. Я в молодости вообще грешила тем, что всех людей, с кем довелось мне общаться, считала порядочными и достойными лишь только потому, что они – люди.

– Как ты смеешь так плохо думать об этом достойном человеке? – гневно вопрошала я, глядя себе в глаза в зеркало. – Он взрослый и умный, он твой директор, у него семья, он годится тебе в отцы! Ты явно заблуждаешься!

В такие минуты я готова была поверить себе, что все так оно и есть. Однако, внутренний голос зудил и призывал открыть глаза и уши. Кто-то, явно нахальный, с мерзким намерением испортить мою жизнь и карьеру, услужливо рисовал в моем воображении сатирическую картинку, увиденную когда-то в журнале. На ней был изображен страус, спрятавший голову в землю. А под картинкой надпись: «Не пугайте страусов. Кругом асфальт».

– Ну, уж нет! Я – кто угодно, только не глупый страус. И моя умная головешка мне бесконечно дорога! – решила, наконец, я и заняла круговую оборону.

Меня невозможно было заставить врасплох. Со стороны можно было подумать, что я – слепая, глухая и вообще круглая дура. Я смотрела на него чистыми, невинными глазами ангела и делала вид, что совершенно не понимаю его намеков. Этот пожилой мужик огромного телосложения начинал пыхтеть, сопеть, но непременно отступал. До поры до времени. И я это отчетливо понимала.

В такие моменты во мне боролись две противоположности. Мое светлое и порядочное. Я кипело от негодования! Как смеет этот Мастоdont (так я прозвала его про себя) посягать на меня?! Чертенюк же, напротив, веселился от души! Этот мешковатый дядя, с его манерой зачесывать длинную прядь через лысину, в надежде замаскировать ее, совсем не походил на моего Ромео, образ которого живет в сердце каждой девчонки. Я потешалась от души над его неловкими попытками установить со мной нужные ему отношения, но внешне вела себя спокойно и сдержанно, так что никто не мог бы заподозрить меня в том, что я просто хохочу и издеваюсь над ним. А еще меня бесила его показушная порядочность. В своих кругах он слыл умным и дальновидным. А еще хорошим семьянином и человеком благочестивым, с безупречной репутацией. А тут такая штука! Права народная мудрость: седина в бороду, бес в ребро!

В то время я много размышляла над этой ситуацией. Если бы он действительно был влюблен в меня и открыто выразил свои чувства, даже не знаю, как бы я поступила. По молодости лет я все принимала за чистую монету, и к любви вообще, и влюбленным в частности, относилась с благоговением. Мне казалось, что влюбленные – тяжело больные люди, пораженные неким изысканным недугом. И, как ко всем тяжелобольным, к ним нужно относиться с повышенным вниманием. Грех обидеть больного человека. Но Мастоdont был более чем здоров

и явно хотел, сохраняя приличную физиономию почтенного мужа и отца, просто поблудить с хорошенькой малышкой.

Как сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы? Тут и дураку понятно было. Стоит мне открыто выразить свое неудовольствие, и я потеряю работу, которая сулила мне неплохое будущее. Но и допустить, чтобы мною просто попользовались, я категорически не могла. Съеденной овцой быть совершенно не хотелось. Однако, если долго прикидываться душой, скоро и впрямь посчитают такой. И я решила, что пора менять тактику, так как одни и те же приемы быстро становятся неэффективными.

В офисе у меня был отдельный кабинет, рядом с кабинетом директора. Мне было позволено обставить его на свой вкус и в соответствии со своими потребностями. Светлая офисная мебель, хороший компьютер и еще некоторые приятные и полезные мелочи сделали интерьер моего маленького владения деловым, но в то же время очень уютным. И еще одно неоценимое преимущество имел мой кабинетик. Там был балкончик. И я могла позволить себе курить, не покидая рабочего места. Курить, конечно, громко сказано. Мои заграничные гости, кроме всякого прочего «барахла» в виде сувениров, авторучек, духов и бутылок с коллекционными винами и коньяками, всегда одаривали меня блоками настоящих американских сигарет. А я в то время и курить-то по-настоящему не курила. Но умела. Мне казалось, что сигарета придает мне большую значимость в глазах окружающих, что я независимая и деловая. Бизнес-леди! Ах, какая прелесть! В одной руке чашечка кофе, а в другой изящная дамская сигарета! Прямо как в кино. Короче, всё мне очень нравилось. И мой кабинетик, и люди, с которыми приходилось работать, и сама работа – интересная и дающая возможность проявить все мои таланты. Всё! Кроме старого козла через стенку!

– Леночка, зайдите ко мне, – прозвучал в трубке голос директора, – надо обсудить детали предстоящей встречи.

Через три минуты я стояла в дверях директорского кабинета.

– Разрешите, Николай Степанович?

– Заходи, присаживайся. Наверно, еще и отдохнуть не успела. Только два дня назад проводили австрийцев, а послезавтра прилетает наш главный партнер – господин фон Штольд. Всего пять человек: он сам, два эксперта, те, что у нас уже были, и два представителя Национального банка Германии. Чувствуешь, на какой уровень выходим?! Банкиры едут, чтобы оценить наши возможности на месте, прежде чем дадут согласие на кредит под совместный проект. Бизнес-план – дело обязательное, но им нужно все своими глазами посмотреть, что мы тут затеваем и что для этого имеем.

– Программа стандартная или что-то изменяем?

– Все по высшему разряду! Гостиница – три люкса, два одноместных, питание в лучших ресторанах. Продумай меню и особенно банкеты, встречу и прощальный. Список приглашенных на банкеты дам чуть позже. Дай команду подготовить наш японский микроавтобус. Вози всех вместе. Ты у нас одна «языкатая», а лишних к этому делу привлекать не будем. Я, по мере необходимости, буду присоединяться на своей машине. Хотя, скорее всего, и буду почти все время с вами. Гости уж очень важные. На прощальном банкете пусть выступит фольклорный ансамбль. Подарки не забудь приготовить. Хочу, чтобы у них остались самые лучшие воспоминания о знаменитом русском гостеприимстве. Вопросы есть?

– Конечно. Сколько дней пробудут? Приблизительная тематика переговоров? Круг обсуждаемых вопросов? Мне ведь подготовиться надо. Нужно ли готовить какие-либо документы для встречи? И еще. Мне нужен, как всегда, свободный день перед встречей. Сами понимаете, маникюр, педикюр, парикмахер. Да и гардероб на все дни приготовить надо.

– Ты и так хороша, хоть сейчас на подиум! – Шеф скользнул по мне заинтересованным взглядом.

– Красота ухода требует, Николай Степанович. Неправильная эксплуатация красоты и здоровья приводит к их порче и преждевременному старению. А я намереваюсь долго быть молодой и красивой. Да, кстати, уход денег стоит. И чем лучше уход, тем он дороже.

Я говорила ему эти явно провокационные слова, так как в моей голове созрел коварный план. Раз ему так приятно видеть рядом с собой молодую, красивую и элегантную леди, пусть раскошеливается. За все в жизни надо платить. Раз уж он предъявляет меня иностранцам как визитную карточку предприятия, вот пусть предприятие и потратится на свой рекламный образец. Намек-то он понял, но сразу поскучился и раскошеливаться точно не собирался. Так! Разведка боем дала положительный результат. Кроме того, что ты – стареющий сластолюбец, так еще и жадина! Вот уж дулю с маслом! На этом и буду строить свою оборону. Сделаю вид, что готова продаться, но только очень дорого! Надеюсь, что жадность пересилит, и он от меня отстанет, пусть хотя бы на некоторое время, а дальше видно будет.

– Ну, об этом подумаем, только не сегодня, – Николай Степанович брал паузу. Видимо, перспектива немедленного вложения денежных средств ему не понравилась.

Понятно, как говорится. Хочется и с елки слезть, и ж... не ободрать. Вот и чудненько! Музыку заказывает, как известно, тот, кто платит. Значит, Вашей музыке звучать еще ой как рано!

Я совершенно не расстроилась. Даже наоборот, была очень рада. Благодаря моей умнице-мамочке я тогда могла себе позволить и без чьих-либо подачек выглядеть на все сто.

– Ну, не сегодня, так не сегодня. Я свободна? Дел много, Николай Степанович. Еще перевод контракта на поставку оборудования надо закончить. Да и по этой делегации начинать пора подготовку. Всех обзвонить, все заказать.

– Свободна, свободна. Иди! – он снова склонил голову над своими бумагами.

– Я свободна! Я свободна! – это пело и веселилось мое Светлое Я.

– Пока свободна, – изрекла Темная Личность. – Видела, как он опять слюнки пустил?

– Но ведь не сегодня! И это уже хорошо. А дальше я опять что-нибудь придумаю, – отстаивало мою свободу Светлое Я. – Я умница и сумею постоять за себя.

Франц

Три дня пролетели как один миг. Я все подготовила, все успела. Не забыла и о себе. Ожидая машину, в последний раз окинула себя взглядом. Отражение в зеркале меня очень радовало. На меня смотрела симпатичная молодая особа 25 лет. Чуть выше среднего роста, стройная и элегантная. Вкус и чувство меры во мне были достаточно развиты. Я всегда знала, что надеть, как накраситься. Вот и сейчас они меня не подвели. Я была в синем деловом костюме. Юбка и жакет сидели, как влитые. Юбка была именно той длины, чтобы не казаться вызывающе короткой, но и выгодно открывала красивые стройные ноги. Белая блузка под жакетом была закрытая, но сквозь нее просвечивал красивый кружевной бюстгальтер, и соблазнительно вырисовывалась округлость загорелой груди. Черные лодочки и элегантная сумочка дополняли наряд. Свою главную роскошь – рыжую гриву, я очень удачно заколола «крабом» в высокую прическу. Стройная шейка была открыта. По краю волос выбилось несколько рыжих пушистых колечек, смягчая строгий деловой вид и придавая мне детскую незащищенность. Косметики на моем лице было ровно столько, что лицо выглядело выразительно и ярко, но никаких следов боевой раскраски не наблюдалось. Я улыбнулась себе и еще раз отметила, что улыбка – мое секретное оружие. Белые ровные зубки смотрелись настоящим жемчугом.

Зазвонил телефон. Я выглянула в окно. Машина стояла у подъезда.

– Все, Юра, спускаюсь, – коротко ответила я. Последний взгляд в зеркало и слова обращенные к себе: «Люблю тебя»! Сердце пело, душа летела ввысь. Было такое ощущение, что я спешу навстречу своему счастью. Необъяснимое предчувствие, что именно сегодня произойдет какое-то очень значимое событие, переполняло меня.

В машине сидела молча, перебирая в памяти имена прибывающих гостей. Двоих из них я знала. Они приезжали весной, когда мы большой командой готовили материалы для нашего с немцами бизнес-плана. Славные ребята: два Дитера, только один Вальтер, а второй Кэмпф. Оба сотрудники компании, еще незнакомого мне, фон Штольца. Они работали у нас целый месяц. Мы настолько сблизились и подружились, что я с нетерпением ожидала новой встречи. С приятными людьми всегда приятно пообщаться вновь. Запах французских духов, окутывавший меня, напомнил о том, что это подарок милого Дитера Кэмпфа, преподнесенный мне в день их отъезда. Да, мои гости часто баловали меня милыми презентами, которые я сама себе на свои 130 долларов зарплаты позволить в то время не могла.

О господине фон Штольце я только слышала от директора, от Дитеров, но никогда еще не видела его и даже не общалась с ним по телефону. Судя по той информации, которой я обладала, он – преуспевающий бизнесмен лет примерно около 35, истинный ариец, женат, но не имеет детей, зато имеет громадное состояние, доставшееся от предыдущих поколений фон Штольцев и преумноженное его способностями и трудолюбием.

Род фон Штольцев имел древние дворянские корни, чем они очень гордились. Через поколения они несли и передавали свое имя потомкам с достоинством, сохраняя родовые традиции, но никогда не кичились своим знатным происхождением, как плебеи, которым высококоротный титул достался по счастливому случаю. Род был не только древний, но и очень богатый. Так что, все у них было, так сказать, «sehr gut»! Отец был жив и до сих пор принимал участие в делах фирмы. А вот мама... Его мать погибла в автокатастрофе. Однажды поздним вечером она возвращалась из загородного дома. В машине кроме нее был только водитель. Элизабет сидела сзади справа. Она была очень дисциплинирована и, даже сидя сзади, всегда пристегивалась ремнем безопасности. Вот эта ее педантичность и сыграла роковую роль.

Водитель, после того, как через две недели вышел из состояния комы, поведал, что помнит только страшной силы удар. Оказывается, от удара вдребезги разлетелось лобовое стекло, и он вылетел из машины далеко вперед. Машина потеряла управление и полетела кувырком

под откос. Вспыхнул бензин, и Элизабет не смогла выбраться из машины. Сгорела заживо. Удалось найти только косвенные признаки, указывающие на то, что это она. Так что даже хоронить было нечего. Только закрытый гроб. Но культ матери свято почитался в семье фон Штольцев и отцом и сыном, несмотря на то, что сын помнил маму очень смутно. Ему было тогда всего 4 года. После смерти все ее драгоценности перекочевали в хранилище Национального банка Германии и доставались только один раз в году, в день ее гибели. Во время экономического кризиса корпорация фон Штольца, занимавшаяся тогда строительством, испытывала острую нехватку в денежных средствах. Но даже, несмотря на угрозу развала своего детища, отец не притронулся к драгоценностям. Вывернулся, устоял и сумел снова поднять свой бизнес. Он тогда сказал сыну, что все это будет принадлежать его жене, но только если старый фон Штольц увидит в ней черты своей незабвенной Элизабет. Если же невестка не будет похожа на семейный идеал, то драгоценности перейдут внучке, которую Карл надеялся увидеть при своей жизни. Именно внучке. Карл почему-то не мечтал о внуке. С годами он стал сентиментален, как большинство стариков. Он считал, что если у Франца родится дочь, то она непременно повторит в себе милую до сих пор его сердцу Элизабет.

Эта информация каким-то образом стала достоянием гласности в корпорации фон Штольцев. Но хозяева никогда не стремились пресечь ее распространение. Говорить об этом не запрещалось. Люди поговорили, но постепенно успокоились, и история плавно перешла в разряд преданий о фон Штольцах, периодически всплывая из глубин памяти тех, кто знал об этом, когда речь заходила о хозяине корпорации при людях, с ним незнакомых. Вот так об этом узнала и я из разговоров с Дитерами во время их прошлого приезда.

Самолет заруливал на стоянку. Нам как официальным лицам, в составе встречающих был и сам губернатор, было позволено встретить гостей у трапа самолета. Мы ожидали возле машин метрах в тридцати от самолета. Стих шум двигателей, подъехал трап, открылась дверь. Через несколько минут в проеме двери показалась сначала стюардесса в синей форме, а следом за ней высокий, спортивного вида, светловолосый мужчина. Он был одет в серый костюм, который сразу бросался в глаза своей элегантной простотой. Да, в таких вещах я уже знала толк! На вид, вроде бы, простенько, но стоит столько, сколько наши люди всю жизнь откладывают в банку, чтобы купить автомобиль. За ним следовали два высоких господина в темных костюмах и, наконец, показались два моих знакомых. Они, увидев меня, энергично замахали руками, всем своим видом показывая, что узнали меня и рады встрече. Я в ответ помахала рукой и с удивлением вдруг увидела, что идущий навстречу нам господин в светлом костюме, улыбается мне и тоже машет рукой.

– Какой конфуз, – подумала я. Разве так встречают незнакомое человека, да еще такого высокого ранга? Но делать было нечего, коли уж он принял мой жест на свой счет. Он уже подошел и обменивался рукопожатиями с встречающими мужчинами. Пришел и мой черед вступать в разговор. Я автоматически переводила реплики собеседников, стараясь справиться со смущением.

– А Вы, милая фройляйн? Как зовут Вас? – прозвучал мягкий баритон, и его голубые глаза заглянули мне прямо в душу.

– Меня зовут Лена Свиридова! Я – заведующая отделом по работе с иностранными партнерами компании «Интерстройсервис» и Ваш переводчик, в одном лице. Звучало громко. Для тех, кто не знал, что мой отдел состоит из одного человека – меня. Я была и начальник, и сама себе подчиненный. О причине такой скудности штата моего отдела я узнала намного позже. Наше знакомство мы скрепили рукопожатием. Моя узкая ладошка утонула в его крепкой руке. Мягкая, ухоженная кожа, пожатие довольно сильное, но деликатное. Это было приятно!

– Очень рад. Франц фон Штольц. Президент корпорации «фон Штольц и К». Какое безупречное произношение! Я сразу обратил на это внимание. Где Вы учились? В Германии?

Наверное, жили с родителями в советское время в каком-нибудь из гарнизонов и учились в немецкой школе? Так? – его голос и взгляд выражали явную заинтересованность.

– Нет, не так. Училась действительно в немецкой школе. Только не в Германии, а в специализированной школе в нашем городе, изучала немецкий с первого класса. А затем факультет иностранных языков в нашем же педагогическом институте. Была в Германии всего один раз, в туристической поездке после первого курса. А больше, как ни стремилась, не довелось. Много где побывала, а вот в Германии больше не была. Так что, заранее прошу простить мой плохой немецкий, если что-то будет не так, – добавила я, слегка блефуя и отлично понимая, что такие слова попадают точно в цель, вызывая у собеседника желание, заранее простить тебе все твои ошибки, взять тебя под свое крыло и оберегать от всех возможных неприятностей.

– Что за ложная скромность?! Вы говорите на прекрасном немецком языке. Однако! Не ожидал встретить здесь такой уровень! Многие столичные переводчики, имея ежедневную практику, не могут похвастать таким произношением. Ну да, посмотрим. Вы ведь будете работать с нами? – спросил он.

В этот момент я взглянула на него, и мне показалось, что, если я скажу «нет», то он скажет, что немедленно улетает назад и ни с кем, кроме меня работать не будет. Но, слава богу, до этого не дошло. В разговор вступил Николай Степанович. Из нашей беседы он не понял ровным счетом ничего и посчитал своим долгом представить меня. Мне пришлось переводить, дабы не нарушать деловой этикет.

– А это наша Леночка! – произнес он тоном сытого кота и погладил меня по спине. – Так сказать, мой переводчик и незаменимый помощник. Будет работать с Вами все дни пребывания. Решит все вопросы и выполнит любые просьбы.

Он, казалось, забыл свою руку на моей спине и продолжал поглаживать меня. Я внутренне напряглась и сделала едва заметное движение в сторону, стараясь избавиться от присутствия чужой руки на моей спине. Но он, продолжая разговор, вернул свою руку на прежнее место. Это движение не ускользнуло от фон Штольца. Я заметила, как слегка дрогнула его бровь. НикСтеп, вроде бы ненароком, сразу давал понять, что и кому принадлежит. Намек был ясен: «Смотреть – смотрите, но руками без моего согласия не трогать!» Ощущение в этот момент было такое, что меня раздели и выставили на всеобщее обозрение! Мерзость! Выручил губернатор, позвав меня. Нужна была помощь в разговоре с банкирами. Я присоединилась к ним. Внутри все клокотало от злости, но работа есть работа. В таких ситуациях метать молнии не принято.

А дальше все завертелось по уже давно известному сценарию: машины, гостиница, расселение, отдых гостей перед банкетом. А для меня самая беготня. Все проверить еще раз, чтобы было, как по маслу. НикСтеп промахов не прощал, и было очень благоразумно, не давать ему повода для гнева. Гневался он довольно часто и страшно. Орал громовым голосом, не стеснялся в выражениях. А после подобного унижения следовали еще и материальные штрафные санкции. Как правило, жалости он не знал. Зато, все четко знали, кто и что должен делать. Если НикСтеп бывал не в настроении, по офису летел неслышимый сигнал: «Ховайся, кто может!». И ховались (прятались)! Под раздачу попадать было опасно. Хотя, это были мои наблюдения со стороны. За все время работы я в такую переделку еще ни разу не попадала. Со мной он бывал неизменно приветлив.

В суете инцидент в аэропорту забылся. Размещением в гостинице гости остались довольны. Фон Штольцу и банкирам отвели двухкомнатные люксы. Дитеров рассели в одноместные номера. Гостиница только после ремонта. Все сияет и сверкает. Для провинциального городка очень даже неплохо Конечно, не «Гранд Отель», но очень достойно. Повара превзошли себя. За банкет я могла быть спокойна. Осталось время заскочить домой, чтобы переодеться, и я в хорошем настроении готовилась к вечеру.

Международный протокол – целое искусство. Этому специально обучают в серьезных учебных заведениях. Но, к сожалению, я обучалась не в профильном вузе, поэтому секретами этого мастерства приходилось овладевать самой. Помогала природная сообразительность и врожденный такт, и чутье, а еще книги и фильмы. Я все мотала на ус. В такой работе важно все. Кроме отличного знания языка и предмета переговоров, нужно знать обычаи и традиции, пристрастия и вкусы, а также уметь одеваться соответственно случаю и вести себя не только на переговорах, но и за столом. Важно было также уметь поддержать разговор на любую тему. Быть интересным собеседником – тоже большое искусство. Сама удивляюсь тому, что всегда была на высоте, даже в самых сложных случаях.

В назначенный час я появилась в ресторане гостиницы. НикСтеп и свита были уже там. Под восторженными взглядами посетителей ресторана я прошла к группе, ожидавших меня, мужчин. С удовлетворением отметила, что мое появление не осталось незамеченным. Да и было на что посмотреть. Маленькое черное платье изящно облегалo фигуру. Поверх платья я надела длинный кружевной шазюбль. Высокие шпильки делали мою фигуру еще стройнее. Украшением к этому наряду я выбрала серьги с жемчугом и жемчужную нитку на шею. Эффект моего одевания заключался в том, что платье было коротким и высоко открывало ноги. Но черное кружево целомудренно прикрывало их. Они мерцали сквозь него и невольно притягивали к себе заинтересованные взгляды. В том-то и есть секрет мастерства одеваться! Можно быть практически голой, но на тебя взглянут один только раз. А можно, наоборот, быть прилично одетой, но каждый мужчина будет стремиться рассмотреть, а что же там скрывается. Таким хитростям учила меня еще моя бабушка. Современную моду она категорически не признавала. Увидев не в меру обнаженную барышню, она недовольно ворчала: «Раньше девки из кожи лезли, чтобы платье показать, а теперь из платья лезут, чтобы кожу показать. Срам, прости Господи!». Так что, бабушкины советы работали, и я в этом убедилась еще раз.

Мои спутники тоже выглядели просто супер. Хорошо одетые, чисто выбритые. А какие манеры! И все бы было замечательно, если бы я была уверена в том, что до конца банкета они останутся такими же. Это ведь общеизвестный факт, что наши русские мужики отличаются просто патологической страстью к горячительным напиткам. Город у нас небольшой, и во всех значимых делах всегда в доле одни и те же «шишки». Поучаствовав не в одном подобном мероприятии, я уже точно знала, от кого из них можно ожидать пьяного фортеля. В таких случаях НикСтепу, потому что он вообще не пил, приходилось срочно применять план «ЭЭ», то есть экстренная эвакуация, а мне болтать языком в два раза быстрее и выполнять отвлекающие маневры, чтобы хоть как-то замаять возникающую неловкость. Вот и сегодня в наших рядах был потенциальный претендент на досрочное выбывание. Нефтяной и бензиновый король нашего города. Пил он всегда так много, что страшно было даже смотреть на него. А уж о том, чтобы попытаться с ним конкурировать или хотя бы быть на равных, и речи быть не могло. Это было смерти подобно. И даже на высоких приемах он не изменял своим пристрастиям, порой ставя всех в неловкое положение. Но без него никак нельзя. Во-первых, он был умнейший мужик, а во-вторых, обладал реальной властью в нашем городе, а главное – большими деньгами. Таким партнерам прощаются некоторые «вольности» в поведении.

Точно в назначенное время в холле ресторана появились наши гости. Посвежевшие и отдохнувшие, элегантно одетые к ужину. Приветствия, любезности. Все плавно приближаются к столу.

О, да! Даже искушенные немцы были ошеломлены, хотя виду не подавали. Стол выглядел, как шедевр кулинарного искусства. Настоящая скатерть-самобранка! Чего там только не было! Я еще раз утвердилась в своем наблюдении, что при виде такого изобилия у человека, независимо от уровня его благосостояния, возникает рефлекс собаки Павлова. Непроизвольно начинает течь слюна и чувствуешь себя так, как будто с самого рождения во рту ни крошки не было. И еще один вывод я сделала, поучаствовав не в одном деловом банкете. Дела

нужно делать в полуголодном состоянии. Доступное изобилие вызывает состояние отупения. Человек больше ни о чем не может думать и легко ведется. Особенно, если такое чревоугодие крепко сбрызнуто выпивкой. Но русские люди в этом знают толк, поэтому все дела начинаются с застолья, им же и заканчиваются. В таких ситуациях я часто сочувствовала иностранцам, особенно азиатам. Я где-то прочитала, что у них в организме отсутствует какой-то то ли гормон, то ли фермент, который помогает справляться с алкоголем. Отказаться от выпивки сразу у них не хватало духу, вроде неприлично обижать хозяев. А потом было поздно. После двух-трех рюмок они становились смешными и безвольными, как мягкие игрушки. Наши начинали подтрунивать над ними и потихоньку издеваться. Предлагали выпить еще и еще, демонстрируя, вроде бы, свое превосходство, хотя уже сами не понимали, что и они со стороны смотрятся не лучше, разве что выглядят более шумными и агрессивными.

Все расселись. Согласно этикету места в центре стола друг напротив друга занимали главные персоны. С нашей стороны НикСтеп и губернатор, со стороны немцев – в центре фон Штольц, справа от него банкиры, слева оба Дитера. Я, как всегда, сидела справа от своего шефа. Официанты, бесшумно скользя вокруг стола, наполнили бокалы. Банкет начался. Зазвучали умные и достойные, слегка высокопарные речи о взаимовыгодном сотрудничестве, о перспективах развития совместного бизнеса. Третий тост мой директор оставлял всегда за собой и традиционно предлагал всем поднять бокал за меня – единственную даму. При этом он покровительственно поглядывал на меня. Эффект такого эпатажа был двойным: во-первых, он снискал себе славу галантного мужчины, а во-вторых, он всякий раз как бы призывал присутствующих еще раз оценить сокровище, принадлежащее только ему. Сначала я злилась и дергалась. Но, так как это повторялось каждый раз, постепенно перестала обращать на это внимание.

После первого же подобного банкета я сделала для себя вывод, что переводчик – профессия голодная. Я переводила, не прерываясь ни на минуту, потому что, пока закусывал один, говорил другой, и так по кругу. Я даже не брала в руки вилку и нож. Мне было просто некогда перекусить. Не буду же я говорить с набитым ртом или просить: «Подождите, пожалуйста, я прожую». Все, чем я довольствовалась на банкетах, был стакан минеральной воды или сока. Только и успевала сделать глоток, как снова нужно было переводить очередную фразу очередного оратора. Так что, съестное изобилие вреда моей фигуре не наносило. Хоть это радовало. Спиртного на банкетах я не пила принципиально. Не хватало еще и мне выглядеть под стать захмелевшим мужикам. У меня всегда должна была быть ясная и трезвая голова. Поэтому мой бокал с традиционным шампанским так и оставался полным. Я поднимала его только для того, чтобы чокнуться за очередной тост с присутствующими за столом.

Банкет набирал обороты. Я исподволь наблюдала за фон Штольцем. Он держался непринужденно и уверенно, ел и пил все, что ему предлагалось, принимал участие в разговоре, живо реагировал на шутки и хохмил сам.

Ох, уж этот мне юмор! Приходилось все время импровизировать, чтобы люди не спрашивали, где нужно смеяться. Дело в том, что анекдоты – одна из самых сложных разновидностей перевода. Менталитет разный. Немцы, например, не могут понять, что смешного в том, что отключили горячую воду, когда человек стоит под душем весь в мыле. Как это отключили воду?! А что случилось? Да ничего не случилось! Для нас это – норма жизни и комичная ситуация, а для них это непременно следствие какой-нибудь катастрофы. А раз катастрофа, то что же здесь смешного? Или наши анекдоты про чукчей или молдаван! Ну, как им это объяснить?! С английскими и немецкими анекдотами и того хлеще. В основном они построены на игре слов. Одно и то же слово в разном контексте или в разном написании, но при одинаковом произношении, имеет разное значение. В этом весь прикол. Для тех, кто знает язык, конечно, понятно и смешно. А для других?! Вот и попробуй растолковать подвыпившим дядям, в чем здесь шутка юмора. Выкручивалась как могла. Слава богу, все были довольны, всем было весело. Вдруг я поймала на себе пристальный взгляд нашего бензинового короля.

– Валерий Михайлович, Вы что-то хотите сказать? – вежливо предложила я свою помощь.

– Ты кто по национальности? – вдруг спросил он, глядя на меня исподлобья.

– Я – русская, – слегка растеряннo ответила я.

– А почему же ты так говоришь по-немецки? Наблюдаю за тобой, а ты без запинки уже два часа чешешь, и даже анекдоты рассказываешь, – изрек он заплетающимся языком. – Вот я – немец, Вагнер моя фамилия, а родного языка не знаю. Мне даже завидно стало. Будешь меня немецкому учить?

– Ну, если Вы хотите, то давайте попробуем, – осторожно ответила я, не зная, чего от него ожидать дальше.

– А Вы, господин фон Штольц, наверно, смеетесь надо мной? Немец, а родного языка не знает, – обратился он к Францу.

Фон Штольц, услышав свое имя, вопросительно уставился на меня. Что я должна была делать? Не переводить нельзя. Переводить дословно опасно, не зная, куда повернет в своих рассуждениях окосевший Вагнер. Я в осторожных выражениях переводила, что де господин Вагнер тоже немец, только родился уже в России, что он сожалеет о том, что, не зная языка, не может напрямую поговорить с господином фон Штольцем, хотя он ему очень симпатичен и им было бы о чем поговорить. Фон Штольц внимательно слушал и понимающе кивал. А дальше дело приняло совсем неожиданный оборот.

– Мы русские – народ гордый! – вдруг рывкнул Вагнер, и бухнул кулаком об стол так, что подпрыгнули и жалобно звякнули, стоявшие рядом, тарелки и рюмки.

Затем положил руки на стол, опустил на них голову и мирно захрапел.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Все слегка обалдели. Мы переглянулись с НикСтепом. Пора было вводить план «ЭЭ». Нужно было нейтрализовать немцев, чтобы потихоньку вынести тело Вагнера.

В большом зале ресторана играла музыка, и я пригласила гостей посмотреть, как танцуют и развлекаются русские. Пришлось пообещать, что каждому найдется партнерша для танцев. Мое предложение было поддержано. Даже губернатор решил пойти вместе с нами. Как только мы вошли в зал, на нас сразу все обратили внимание. Губернатор был в городе человек известный. Да еще и присутствие иностранных мужчин вызвало живой интерес. Сразу у входа за столиком сидела большая компания, где было много молодых женщин. Мы подошли к столику. Губернатора встретили аплодисментами.

– Барышни, прошу вас потанцевать с нашими гостями, а то они совсем заскучали – обратился он к дамам.

Заиграла медленная музыка, и дамы разобрали кавалеров. Фон Штольц пригласил на танец меня.

Медленный танец для партнеров, танцующих вместе впервые, своего рода интимная близость. Даже если вокруг много танцующих пар, эти двое остаются как бы наедине. Тела соприкасаются, отчетливо слышно дыхание и биение сердца партнера, ритм движений становится общим. Это завораживает и обостряет все чувства.

Вы никогда не обращали внимания на то, что каждый человек имеет свой собственный, неповторимый запах? Так вот! Нравится человек или нет, зависит от того, воспринимается ли его запах на уровне подсознания! Проще говоря, твой это запах или не твой. И с этим ничего нельзя поделать. Природа мудра. В такие минуты решается судьба человека. Искра либо появляется, либо уже никогда. Я бы даже сказала, что выражение «любовь с первого запаха», значительно точнее передает суть этого уникального явления. Все остальное – происки нашего ума, расчет, называйте как хотите. Но это не любовь! Запах высекает первую искру! А дальше в любовную игру вступают руки. Энергия любви мощным потоком льется сквозь руки, проникает в тело партнера и наполняет его трепетом и радостью. В такие минуты слова не нужны.

Они, как правило, только все портят. Каждый человек страстно желает любви. Любить и отдавать свою любовь – вот смысл жизни! Но большинство людей, из боязни быть неправильно понятыми, а тем более отвергнутыми или осмеянными, предпочитают спрятаться за словами, обстоятельствами, условностями. Внутренний страх «меня не любят», сидящий почти в каждом, и есть основной разрушитель нашего Я и счастья человека. Хотя, этот же страх заставляет нас двигаться, совершать какие-то поступки в надежде обратить на себя внимание. Успехи на работе и желание нажить побольше – это тоже проявления этого же страха. Все направлено на то, чтобы нас заметили, оценили и полюбили! Вот вам и единство и борьба противоположностей! Вот почему среди людей столько глубоко несчастных. Внешне, вроде, все хорошо. Семья, дети, заботы. А счастья-то нет! Нет ощущения свободы, полета, радости! И человек, сохраняя внешнюю форму, уподобляется выпитому яйцу. Форма есть, а содержание отсутствует! Если когда-нибудь, вам доведется испытать это дивное чувство, заклинаю вас, доверьтесь ему! Отбросьте все страхи и сомнения! Таким чудом Господь может одарить каждого, но только избранные способны понять и принять это! Любовь – бесценный дар, но и великая опасность! Она приносит счастье только сильным и смелым!

Франц принял меня в свои объятия. Именно так! По другому и сказать нельзя. И я почувствовала себя в его руках младенцем, которого лелеет любящая мама. Сквозь его ладони в меня текла нежность, и я ощущала это физически. Ко мне пришла любовь! Мы смотрели друг другу в глаза, и нам все было ясно. Мы танцевали молча, наслаждаясь нашей близостью. И все остальное было неважно.

С тех пор прошло уже столько лет, а я всякий раз при воспоминании о нашем первом танце переживала величие и сладость этого события.

Очарование момента развеяла наступившая тишина. Музыка стихла. А дальше все снова заговорили, зашумели, стали приглашать нас к своему столу. Но мы-то пришли не просто погулять. Нас ждало продолжение банкета. Усевшись снова за стол, все поняли, что деловая атмосфера нарушена окончательно, и возвращаться к серьезным разговорам просто нелепо. Все, кроме меня, были сыты. Памятуя о недавнем выносе тела Вагнера, пить больше тоже никто не хотел. Завершение банкета было бы самым логичным. Фон Штольц был главной персоной, приглашенной на банкет. По этикету он должен был проявить инициативу и дать знать хозяину банкета, что он удовлетворен и намеревается уйти. Они переглянулись и поняли друг друга. НикСтеп был в таких делах человеком бывалым. Он мгновенно почувствовал, что все ждут отмашки хозяина банкета, чтобы чинно разойтись.

– Благодарю всех присутствующих за чудесный вечер. Будем считать, что знакомство состоялось. А завтра нас ждет напряженная работа, поэтому нужно хорошо отдохнуть. Ну, на посошок! – бодро сказал он, поднимая рюмку с кипяченой водой.

Все его дружно поддержали, выпили по последней и направились к выходу. Мы, как приличествует хозяевам, пропускали гостей вперед. Франц, проходя мимо меня, церемонно распрощался. Он поцеловал мою руку, задержав ее в своей чуть дольше, чем это было необходимо. Как хорошо, что он наклонился к моей руке и не видел, каким взглядом одарил его в этот момент НикСтеп.

– Не торопись, домой поедешь со мной, – вполголоса сказал НикСтеп, беря меня под локоток, – Машина уже ждет.

Дудки-с! Это обстоятельство я предвидела и заранее приготовила пути отступления. До банкета я созвонилась с одним из моих приятелей и попросила его ждать меня у ресторана с десяти часов вечера. Он пообещал, что будет стоять насмерть, пока меня не дожждется.

– Не беспокойтесь, Николай Степанович, мне еще с администратором все вопросы по оплате решить надо, завтрак заказать. Так что, мне придется задержаться. Я на такси уеду, – бархатным голосом пропела я.

– Может подождать тебя? – спросил НикСтеп, не теряя надежды остаться, хоть ненадолго, со мной наедине в темноте на заднем сидении машины.

– Нет-нет! Вам отдыхать надо, завтра у Вас такой трудный день. Я здесь еще не меньше часа пробуду, – мягко, но решительно пресекла я его поползновения.

– Ну, смотри, тогда до завтра, – он шумно вздохнул и, разочарованный, направился к выходу.

– Опять твоя взяла, – сказал чертенок внутри и скорчил смешную рожу.

– И всегда будет брать, – сказала шепотом я, – я ему не овца для заклания.

Выжидая некоторое время, чтобы Мастодонт точно уехал, я присела на стул и закурила. Я почувствовала себя утомленной этим суматошным днем, но очень довольной. Вход в бар был как раз в поле моего зрения. Я увидела, как вошел Франц. Мне было интересно, зачем он вернулся. Спустя несколько минут он появился с бутылкой минеральной воды. Я еще подумала в тот момент: «Зачем он пришел за минералкой? В номере с мини-баром всегда есть что попить, и даже выпить и закусить». Проходя мимо распахнутой двери в ресторан, он окинул взглядом помещение. Увидев меня, он заулыбался, поспешил подойти и присел рядом.

– Элен, Вы еще не уехали? – он был откровенно рад тому, что я еще здесь. Видимо, за этим и вернулся в ресторан.

– Как видите. Сажу, курю и жду машину.

– Может быть, заглянете ко мне? – с надеждой в голосе спросил Франц.

– А Вы считаете, что это прилично в столь поздний час? – спросила я вопреки своему истинному желанию.

В этот момент во мне уже заговорили благоразумие и осторожность. Как только накал чувств ослабевает, верх берут предрассудки и условности. Он слегка вздрогнул, как от внутреннего толчка.

– О, извините! Я не хотел Вас обидеть. Спокойной ночи. До встречи, – он смутился и поспешил уйти.

Меня его поведение слегка разочаровало, но я не придавала этому серьезного значения. Мне было просто хорошо оттого, что я увидела его еще раз.

Мой верный Витька сидел в своей машине, которая одиноко торчала на стоянке, как прыщ на ровном месте. Все уже давно разъехались.

– Привет! Спасибо, что дождался, – сказала я, устраиваясь на переднем сиденье.

– А я уже до утра настроился сидеть. Спасибо, что вырвалась пораньше, – невнятно произнес Витька, зевая.

– Ну, не ворчи, едем домой. Я тебя даже кофе угощу. Если хочешь, конечно, – предложила я.

– Я, конечно, хочу, только не кофе. Но ты меня, видимо, этим никогда не угостишь, – буркнул Витька, заводя машину.

– Вить, ну не начинай. Мы это уже давно проехали. Мы с тобой верные друзья. И только. Люблю тебя, но как друга и брата. Разве этого мало? – я пыталась его не обидеть.

Он обреченно кивнул, и машина тронулась. Через 15 минут мы были у моего дома. На кухне горел свет. Значит, моя мамуля, как всегда, не спит и ждет меня.

Вот, что значит молодость! И день тяжелый накануне был, и спать легла поздно, и утром встала раным-рано. Все нипочем! Душ, макияж, обжигающий кофе, свежий наряд! И снова готова хоть куда. Внешний вид – просто блеск!

Стояла ранняя осень. В наших краях это самое любимое время года. Природа, как бы извиняясь, за изнурительно жаркое лето и предстоящую лютую зиму, дарит нам этот период отдохновения для души. Бабье лето! Небо в это удивительное время голубое-голубое, высокое

и без единого облачка. Погода стоит ясная, теплая, тихая. Буйство красок поражает воображение: оттенки листвы – от зеленовато-желтого до золотого и багряного. Воистину золотая осень! Едва ощутимый ветерок, слегка колышет листву. Почему-то она долго не облетает, до самой поздней осени. И мы купаемся в этом, по-царски роскошном, море красок. Ночью ощутимо холодает, но дни радуют теплым и ярким солнышком. Пиджака или легкой ветровки достаточно, чтобы не замерзнуть вечером или ранним утром. Днем же многие одеты еще вполне по-летнему.

Белые брючки, белая блузка и ярко-желтый удлиненный жакет как нельзя лучше соответствовали настроению этого чудного дня. Мои рыжие кудри очень удачно гармонировали с одеждой и даже окружающей природой. Высокие каблучки весело цокали по тротуарной плитке, выложенной во внутреннем дворике гостиницы. В мои обязанности входило обходить гостей утром и приглашать их на завтрак.

– Доброе утро! – бодрым голосом приветствовала я Франца, стоящего в проеме двери его номера, – Как отдохнули? К завтраку готовы?

– Доброе утро, фройляйн Элен! Вы прекрасны как Аврора! – Франц откровенно залюбовался мною. – Выглядите просто потрясающе, чего не скажешь обо мне. Ох уж эти русские! Никак не привыкну. Ну, зачем я вчера столько выпил?! Голова болит жутко! – пожаловался он.

– Примите до завтрака, это Вас спасет, – сказала я, протягивая пакетик «Алкозельцера». – Вы слышали такую поговорку: «Что русскому хорошо, то немцу – смерть»? Вот и сделайте правильные выводы, – посоветовала я.

– Как мне Вас благодарить, мой ангел? – серьезно спросил он.

– По возвращении домой напечатайте статью в газете о том, как русская девушка спасла Вам жизнь, – засмеялась я, – Спускайтесь в ресторан. Все уже ждут.

Да! Моя команда после вчерашнего застолья выглядела изрядно помятой. Глаза у всех, как у больной собаки, молящей о жалости и ожидающей помощи. Я раздала всем по пакетик антипохмелина.

– Это лекарство. Нужно растворить в стакане воды и выпить, – я даже не стала над ними подтрунивать. Мне их было искренне жаль. – Прошу к столу, господа. На завтрак у нас полчаса. Ровно в девять мы должны быть на переговорах.

Какая издевательская тактика! Напоить людей до полусмерти, а потом тащить их ни светни заря решать серьезные вопросы! Да еще такая разница во времени! В Германии и даже в Москве в это время еще глубокая ночь. Но, бизнес есть бизнес. Назвался груздем – полезай в кузов!

Ели сначала вяло, но через некоторое время, видимо подействовал антипохмелин, пришел аппетит. К концу трапезы все тарелки были чистыми. Русские повара – что надо!

Орлы мои повеселели, глазки заблестели и облик человеческий, наконец, вернулся.

Секретарь НикСтепа Анечка уже приготовила его кабинет для переговоров. Все были в сборе. Мы вошли в приемную, когда часы пробили ровно девять.

– Немецкая пунктуальность, можно часы сверять, – то ли сыронизировал, то ли похвалил нас НикСтеп, – Доброе утро, господа! Обмениваясь рукопожатиями с визитерами, он внимательно вглядывался в их лица. – Прошу за стол переговоров.

Я автоматически включилась в рабочий ритм. Реплика – перевод, реплика – перевод. До обеда все шло гладко. Один раз прерывались на перекур и кофе. НикСтеп сам не курил и даже для столь важных гостей исключения не делал. В его кабинете никогда запаха дыма и не бывало. Поэтому пили кофе и курили в моей обители. Фон Штольцу и банкирам мой кабинетик явно пришелся по душе, а Дитеры и подавно чувствовали себя здесь уютно. Весной мы втроем ютились в этом кабинете. Много света, да еще и открытый балкон. Осенний воздух бодрил и поднимал настроение.

Эти переговоры были завершающим этапом. Всю основную подготовительную работу проделали наши специалисты и два Дитера еще весной. Я в этом участвовала, естественно, как переводчик. Дело шло к подписанию контракта. Осталось обсудить еще кое-какие детали и самую интересную часть, кто и что будет иметь в результате осуществления этой затеи. Напряжение потихоньку нарастало. Каждая из сторон не хотела продешевить. Высказывались все, приводя свои аргументы «за» и «против». Речь оппонентов становилась все более эмоциональной. Говорили, даже иногда перебивая друг друга. Я уже была почти на пределе. Попробуйте быть посредником в разговоре десяти спорящих мужчин!

Вдруг неожиданно зазвонил телефон! Что-то небывалое. Обычно, никто не смел ни входить в кабинет, ни звонить во время переговоров. Анечка легла бы трупом, но не позволила бы нарушить раз и навсегда заведенный НикСтепом порядок. Значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. Шеф извинился и снял трубку. Буквально через несколько секунд он изменился в лице.

– Сейчас еду, – коротко бросил он. – Извините, господа, я должен срочно уехать. Это чрезвычайно важно, извините, – говорил он, направляясь к выходу.

– Лена, наши гости на тебе. Сегодня развлекательная программа. Все сообщу вечером. Он подошел ко мне очень близко и шепнул на ухо.

– Сделай так, чтобы пока никто ничего не понял. У жены клиническая смерть, – тихо добавил он, – мне нужно срочно в больницу.

– Конечно, Николай Степанович! Не беспокойтесь. Все сделаю в лучшем виде. Мне его было очень жаль, но я не знала, чем могу ему помочь.

Наши гости и партнеры были ошарашены. Все произошло почти молниеносно: звонок, короткий разговор, и шеф, почти пулей, вылетает из кабинета. Все вопрошающе уставились на меня.

– Господа, Николай Степанович, приносит всем свои извинения, но дело, из-за которого он отлучился, не терпит отлагательства. Сейчас не могу дать более точную информацию. Просто это действительно очень важно. Господин директор вернется и сам все объяснит. Пока мы прервемся на обед, а дальше видно будет.

Обед был заказан в одном из городских ресторанов, недалеко от центральной площади. Я частенько бывала здесь с гостями, поэтому хорошо знала хозяина и весь персонал. Все было заранее оговорено и нас ждали.

Обедали долго. Меню было тщательно продумано и разнообразно. Здесь было принято угощать посетителей фирменными блюдами. Вкусно до безобразия. Настоящий праздник живота! А потом мы долго пили кофе и лакомились воздушными пирожными.

После обеда решили прогуляться по центру города. Пользуясь случаем, я устроила гостям пешеходную экскурсию. Рассказала немножко об истории нашего края и города, немного о современности, общение с прохожими, фотографии и видеосъемка на память. Все было очень славно. Легко, расслабленно и неспешно. Наш город – не Москва и не Санкт-Петербург, где можно провести целый день в музеях, но тоже есть, что показать. Благодаря ли моим стараниям или общему настроению, все шло, как нельзя более удачно. Я чувствовала, что им все нравится. Они с удовольствием откликались на все мои предложения, долго ходили пешком. Наконец, утомившись, мы решили присесть в сквере и просто отдохнуть. Одной скамьи для шестерых человек было маловато. Банкиры и Дитеры уселись на одну, а мы с Францем чуть поодаль. Франц придвинулся ко мне вплотную и накрыл мою руку своей ладонью.

– Элен, пожалуйста, не смейтесь, но мне никогда и нигде не было так хорошо, как здесь, в этом маленьком русском городке, рядом с Вами, – он сидел вполоборота и смотрел мне прямо в глаза. – Скажите, что это?

– Это любовь, Франц! Вы влюбились в наш городок. Посмотрите, как красиво! – ответила я, стараясь перевести на шутку этот разговор, готовый в любую секунду стать очень серьезным.

– Любовь?! Скажите, а как правильно сказать по-русски «любовь» и «я тебя люблю», – спросил он и тихо повторил за мной на ломаном русском – Я тьебья люблю.

Сердце мощно толкнулось в груди и вдруг замолчало. Я была смущена и, может быть впервые, не знала, что ответить, как повести себя. Его слова прозвучали настоящим признанием, но я не могла поверить, что это правда, что это происходит со мной. А он смотрел мне в глаза, и, казалось, ждал ответа. Пауза переросла в продолжительное молчание.

– Элен, я Вас обидел? – с тревогой в голосе спросил он. – Я понимаю, что не должен так себя вести. Я – бизнесмен, приехал по важному делу и через сутки объясняюсь в любви помощнице моего партнера. Выглядит не очень серьезно. Но это действительно так. – Он начал говорить очень быстро и взволнованно, как будто опасаясь, что что-нибудь помешает ему высказаться до конца. – Я влюбился в Вас сразу же в аэропорту, а потом еще этот танец... Перед поездкой у меня было предчувствие, что в России произойдет что-то очень важное. Я полагал, что это азарт предстоящей сделки так будоражит кровь. Но я никак не думал, что это будет связано с моими чувствами, что я влюблюсь, как юный Вертер.

Он крепче сжал мою руку, но я, словно окаменела, и продолжала сидеть молча.

Мое Светлое Я ликовало и кричало: «ДА!!! Я тоже люблю тебя! И пусть это будет всего один день! Но, пожалуйста! Пусть это будет!».

Темная Личность скривила морду и изрекла: «Ну-ну. Пойди на поводу. Мало того, что поплачешь после того, как он уедет и забудет тебя, так еще и с работы попрут. НикСтеп тебе этого не простит, если узнает. Береженого бог бережет. Будь осторожнее! От этих проезжих капиталистов одна беда. Чего хорошего от него ждать? Поиграет и свалит», – нашептывала Темная Личность.

– Счастье однажды лишь в руки дается, упустишь, оно никогда не вернется, – скорбно процитировало мое Светлое Я.

– Элен, почему Вы молчите? Хотя, что тут сказать, – он помрачнел и убрал свою руку. – Я был не вправе ставить Вас в неловкое положение. Я для Вас стар. Да и, наверное, у Вас есть жених. Прошу меня извинить, – он резко встал и сказал – Давайте поедem в гостиницу, я немного устал.

Наши спутники, увидев, что Франц встал, тоже стали подниматься. Я же, взяв его за руку, слегка повернула к себе и сказала:

– Франц, во-первых, Вы не совсем правильно истолковали мое молчание, во-вторых, не торопитесь отвечать себе за меня, а в-третьих, сейчас не самый удобный момент для объяснений. Поговорим об этом позже.

– Ну что, господа, предлагаю немного отдохнуть, а вечером ужин и казино. Годится? – спросила я, обращаясь уже ко всем сразу. На том и порешили, отправляясь в гостиницу.

В течение дня я несколько раз пыталась связаться с НикСтепом, но никак не могла его разыскать. Анечка тоже ничего не знала и была очень взволнована.

– Ну что ж, надо будет, он сам меня найдет, – решила я и перестала дергаться. Благо, забот с гостями хватало.

Я проводила их до гостиницы и поспешила распрощаться до вечера, не давая Францу шанса заговорить со мной.

– До вечера! Буду ровно в восемь, – я помахала им рукой, обернувшись на ходу.

Кто бывал в казино, тот согласится со мной, что это – особый мир, со своими писаными и неписаными правилами! Там витает особый дух страсти и авантюризма, радости и огорчений. Я, так сказать по долгу службы, частенько бывала там. Но, то ли еще не успела проникнуться азартом, то ли меня останавливало то, что я здесь только сопровождающее лицо, я никогда не испытывала никаких особо сильных чувств. Хотя, я очень любила наблюдать за людьми.

Боже, какие иногда там кипели страсти! Некоторые ликовали, а иные впадали в настоящее отчаяние. Я сама до этого вечера не играла никогда.

В казино не ходят в обычной одежде. Мужчины должны быть в пиджачной паре и при галстуке. Дамы же блистают вечерними нарядами. Для такого случая в моем гардеробе имелось чудное вечернее платье. Изумрудная органза придавала моему наряду блеск и очарование. Длинное, с высокими разрезами по бокам и низким вырезом сзади, мое платье было здесь, как нельзя более кстати. Спину прикрывали узкие бретельки, переплетенные крупной решеткой. Руки же были открытыми. Золотые серьги и пара колец без камней, на шее цепочка, на руке браслетик. Все выглядело очень изящно и к месту. Некоторые дамы предпочитают превращать себя в новогоднюю елку, обвешиваясь всеми украшениями, которые у них только имеются. Но мне это всегда претило, и я никогда с украшениями не перебарщивала.

Мои мужчины выглядели безукоризненно! Элегантные костюмы, идеально гармонирующие сорочки и галстуки! В их туфлях отражался весь окружающий мир! Я чувствовала себя в таком сопровождении как на великосветском рауте. По одобрительным взглядам моих спутников я поняла, что и я оценена по достоинству. Вечер обещал быть превосходным! Проходя в зал мимо зеркала, мы с Францем поравнялись и одновременно взглянули в него. На лице каждого из нас было написано, что мы залюбовались друг другом и тем, как мы смотримся рядом. Про таких говорят – великолепная пара! Просто созданы друг для друга! Он предложил мне свою руку и больше не отошел от меня ни на шаг.

Ужин как всегда удался. Почти не пили. Мужчины приняли по пятьдесят коньяку, а я бокал шампанского. Сегодня я могла и хотела себе это позволить. Беседа текла легко и непринужденно. Говорили обо всем и ни о чем, шутили. Было весело. Я вдруг поймала себя на мысли, что совершенно не напрягаюсь, а просто слушаю и говорю. В тот момент я поняла, что, когда не надо перескакивать с одного языка на другой, я даже думаю по-немецки. Это было здорово!

– Ну что, господа! Испытаем счастье в русском казино? – предложил Франц.

Ужин был закончен и мы перешли в игорный зал. Возле столов народу было еще немного. Рановато. Самый разгар был еще впереди. Люди неспешно переходили от стола к столу. Особого оживления не наблюдалось. Ставки были невысоки. Кто-то досадливо морщился после проигрыша, а кто-то уже начинал входить в раж, ободренный первыми успехами. Банкиры и два Дитера уселись за карточный стол.

– Элен, а Вам что больше нравится, рулетка или карты? – спросил меня Франц.

– О, нет, я не играю, – улыбнувшись, ответила я.

– Почему? Для того и казино, чтобы играть, – он слегка недоумевал.

– Казино для того, у кого есть, что проигрывать. С моими доходами я для казино не представляю никакого интереса, равно, как и оно для меня, – решила я положить конец этому разговору. Ну, какие игры с моей-то зарплатой?! Он что, не понимает?!

– Элен, я предлагаю Вам попробовать. Ведь это интересно! Разумеется, все расходы беру на себя, – галантно предложил он.

– А Вы не боитесь, что я много проиграю? – лукаво спросила я.

– Не беспокойтесь, Элен. Во-первых, я не так уж беден. Вполне могу позволить себе и Вам небольшое приключение. А во-вторых, я азартен, но не игрок в дурном смысле этого слова. Я всегда умею вовремя остановиться. Ну, попробуем? – это был своего рода вызов.

– Тогда играем в рулетку! – я решила рискнуть.

Крупье предложил сделать ставки. Сначала играл Франц, показывая мне, как это нужно делать. И сразу же слету выиграл! Здорово! Затем я поставила сумму его выигрыша на семь черное. Конечно же, проиграла! Я посмотрела на Франца, но его лицо нисколько не омрачилось. Наоборот, он поддерживал меня. Затем сделал ставку опять он. И опять выигрыш!

– Ну, смелее, Элен, поверьте в свою удачу, и она придет, – эта игра доставляла ему явное удовольствие.

– Семь черное. – Я снова поставила на тот же номер. Опять проигрыш. Игра продолжалась. И опять Франц выигрывал, а я проигрывала. Игра становилась все азартнее. Вокруг рулетки уже не было свободного места. Ставки стали выше. Я несколько раз с завидным упорством ставила сумму его выигрыша на одну и ту же цифру. И вдруг! О, боже! Я выиграла! Да еще сколько! По моим меркам целое состояние! Я, как ребенок, завизжала от радости и кинулась к Францу. Он легко подхватил меня и закружил, радуясь вместе со мной. Вокруг нас стал собираться народ. Первый крупный выигрыш! Все поздравляли нас, а крупье уже предлагал продолжить игру. Ему мой выигрыш удовольствия не доставил. Но я, когда читала о казино в книгах или смотрела в кино, уже тогда решила для себя, что если мне когда-нибудь доведется играть, и если я, бог даст, выиграю, то сразу же уйду. Судьбу искушать нельзя. Фортуна – дама капризная. С ней поделикатнее надо.

– Спасибо, мы уже уходим, – твердо сказала я, наблюдая явное разочарование на лицах, обступивших нас, людей. Крупье, видя бесполезность своих попыток удержать нас, сделал едва уловимый знак, стоявшему у входа амбалу. Тот понимающе кивнул. Я была наслышана о таких ситуациях. Видимо, действительно, просто так из казино с крупным выигрышем не уходят. Нужно было что-то предпринять, чтобы не пострадали мои подопечные.

– Одну минутку, Франц. Подойдите ненадолго к своим. Мне нужно кое-что уладить. Пожалуйста. И не подходите, пока я Вас не позову, – сказала я Францу.

– Что случилось, Элен? – он тонко почувствовал мое состояние, хотя я старалась не подать виду, – у нас проблемы?

– Нет-нет. Никаких проблем. Все хорошо. Я просто переговорю с одним человеком, и мы пойдем. Франц направился к карточному столу, но встал так, чтобы видеть меня. Я подошла к крупье.

– Слушай, ты, – обратилась я к парню так, чтобы слышать меня мог только он. – Это гости губернатора. Если с их головы упадет хоть один волос, виноват будешь ты. И шеф твой тебя за это тоже не похвалит. Понял? Я видела твои сигналы. Дай отбой и не рыпайся! А я для верности сейчас же позвоню Виктору Ивановичу! Впредь, когда я еще здесь появлюсь, будь зайчиком. Усек? – тихо произнесла я.

– Извините, все будет в порядке, – ответил крупье, хотя по его лицу было видно, что именно он хотел мне сейчас сказать. Но меня это уже мало волновало. Я подошла к картежникам. У них все ладилось, никто не намеревался уходить. Франц взглядом спросил меня, все ли нормально. Я кивнула и улыбнулась. Все о'кей. За внешним спокойствием скрывалась целая буря. Меня слегка трясло. Хотелось поскорее уйти из этого, вдруг ставшего душным, зала.

– Франц, пока ребята играют, не хотите немного прогуляться? – спросила я. Мне нужно было срочно выйти, чтобы при свете мое лицо не выдало меня.

– С удовольствием. Только сейчас прохладно, а Вы в открытом платье, – забеспокоился он.

– А Вы дадите мне свой пиджак, – предложила я.

Мы вышли из зала в темноту осеннего вечера. Было удивительно тепло и тихо. Темное небо было украшено яркими звездами и серпиком растущего месяца. Это еще одна особенность нашей местности. Осенью вечернее небо темное и, как будто, бархатное, а звезды кажутся необыкновенно крупными и яркими. Красота неопишемая!

– Смотрите, Франц, на небе растущий месяц. Это очень хорошая примета, когда начинаешь новые дела. Значит, все будет удачно, – тихо сказала я.

– Вы, Элен, моя самая большая удача, – произнес он, надевая свой пиджак мне на плечи.

Видимо, все было предрешено на этом темном небе, и звезды так совпали в этот час! Он слегка обнял меня, и наши губы слились в поцелуй. Этот поцелуй не был страстным. Мы словно знакомились друг с другом, и нежно говорили: «Я люблю тебя!».

– Я навсегда запомню этот вечер, тебя и этот нежный поцелуй, – прошептал Франц, бережно прижимая меня к своей груди.

Он был выше меня на целую голову, и я стояла, спрятав свое лицо в его плечо. От него исходило приятное тепло. Меньше всего на свете мне хотелось сейчас, чтобы он разомкнул свои объятия. Я готова была стоять так хоть целую вечность. Но мы были не одни. В казино нас ждали еще четыре человека. И их тоже нельзя было оставлять без внимания.

– Франц, мне очень жаль, но нужно прощаться. Я совсем ничего не знаю о завтрашнем дне, поэтому предлагаю сделать так. Я свяжусь с Николаем Степановичем и сообщу Вам дальнейший план, – сказала я, возвращаясь в реальную жизнь.

– Вам? Мы еще на Вы? Я полагал, что мы стали хоть немного ближе и можем перейти на ты?! – Он посмотрел на меня вопросительно.

– Да, конечно, наедине мы можем быть на ты. Только в официальной обстановке мне не хотелось бы привлекать к нам всеобщее внимание. Иначе у меня будут неприятности, – с легким беспокойством попросила я.

– А кого это может волновать? Твоего шефа? Что у тебя с ним? Он пристаёт к тебе? Я обратил внимание еще в аэропорту на то, как он вел себя, – Францу это было явно неприятно.

– У меня с ним ничего нет. И не будет. А если он все-таки будет настаивать, значит, мне придется поменять работу. И не думай, пожалуйста, обо мне плохо. На жизнь я в состоянии зарабатывать головой. В крайнем случае, руками. Все остальное мне служит для удовольствия, и я могу себе это позволить. Но только с тем, с кем хочу. Он не из их числа, – ответила я с легкой досадой в голосе.

– Прости меня, моя дорогая. Мне это неприятно. Но я в состоянии защитить тебя! – горячился Франц.

– На расстоянии в восемь тысяч километров?! – печально сыронизировала я. – Не беспокойся, я сама не дам себя в обиду. Главное, не давать повода. И все будет хорошо!

– Если он посмеет обидеть тебя, я разорву с ним все отношения, даже контракт!

– Да полно тебе. Меня еще никто не обижает. А если ты разорвешь контракт, я останусь без работы и умру с голоду, – пошутила я.

– Ты больше никогда и ни в чем не будешь нуждаться! – твердо произнес Франц.

– Никогда не говори никогда. И не давай необдуманных обещаний. Все в жизни переменчиво, – слегка задумавшись, ответила я.

Наши картежники были пусть в небольшом, но в выигрыше и в очень хорошем настроении. Прощаясь, мы договорились, что я не буду беспокоить их слишком рано, если не поступит других указаний. И даже завтрак было решено заказать попозже, чтобы выспаться и отдохнуть.

Домой я приехала уже далеко за полночь. Переодеваясь и готовясь ко сну, я все рассказывала маме о гостях, о том, как провели вечер, умолчав о неприятных подробностях. О приятных тоже промолчала. Но маму, как известно, не проведешь. Она сразу почувствовала, что со мной что-то произошло. Однако, человек она была деликатный, и не стала задавать лишних вопросов. Мама никогда не расспрашивала меня о моих личных делах. Разговор заходил только тогда, когда я считала нужным его начать. Мои родители всегда мне очень доверяли. Да и не ребенок уже я была. Пусть еще молодая, но уже взрослая женщина.

С распущенными мокрыми волосами, в белом банном халате после душа, я приютилась возле маминой кровати и еще продолжала что-то рассказывать ей, как вдруг раздался звонок в дверь. Мы недоуменно переглянулись. Кого это принесло во втором часу ночи? Я подошла к двери и глянула в глазок. Перед дверью с опущенной головой стоял НикСтеп. Я поняла, что случилось что-то ужасное и, даже не спросив «кто», сразу открыла дверь. Он шагнул в квартиру и чужим голосом сказал:

– Она умерла три часа назад, врачи ничего не смогли сделать.

– Мне очень жаль, – тихо сказала я и, повинувшись какому-то необъяснимому порыву, обняла его. Наверное, это присуще всем людям. Перед лицом настоящего горя забываются все недоразумения и распри. Горе мирит даже заклятых врагов. Вот и я в этот миг хотела только утешить и поддержать его, как могла.

– Скажите, чем я могу Вам помочь, – спросила я, а он, как ребенок, уткнулся лицом в мои волосы и тихо плакал. Мы стояли так минут пять, пока он справился с собой.

– Спасибо тебе, Леночка, за понимание, ты очень хороший человек, – сказал НикСтеп. – Кроме того, что мне нужно отдать распоряжения по поводу гостей, я почему-то в этот момент хотел видеть именно тебя. Мне стало легче, спасибо. Он вытер платком мокрое от слез лицо. Мне было непривычно видеть этого большого, всегда уверенного в себе человека, таким потеряннным и расстроенным. Хотя, что же тут странного?! Мужчины тоже иногда плачут. Потеря близкого человека больно бьет по всем: большим и маленьким, начальникам и подчиненным. В такой момент любой человек оказывается таким незащищенным, любому хочется сочувствия и поддержки.

– Николай Степанович, пройдите в комнату, присядьте. Может Вам чаю? – предложила я.

Он не отказался, прошел в комнату и присел в кресло. Медленным взглядом обвел комнату, остановился глазами на мне и произнес:

– Так вот где ты обитаешь, принцесса. А у вас уютно.

В этот момент из спальни вышла мама. Она поняла, что происходит что-то не очень приятное, и решила прийти мне на помощь.

– Добрый вечер. Кто Вы? – спросила мама. НикСтеп до этого, конечно же, никогда не бывал у нас. Они были незнакомы. Он встал.

– Мама, это мой шеф – Николай Степанович. Николай Степанович, это моя мама – Зинаида Сергеевна, – представила я их друг другу. Мама взглянула в его лицо и поняла, что человек пришел в дом с плохой вестью.

– Что случилось? – встревожено спросила мама.

– У меня три часа назад умерла жена, – горестно вздохнув, ответил НикСтеп.

Мама слегка охнула, прикрыв рот ладошкой, но ничего не стала спрашивать. Молча вышла на кухню. По звукам, доносившимся из кухни, я поняла, что она возится с чайником.

– Лена, похороны через три дня. Понятно, что мне сейчас не до дел. Поэтому объясни все гостям, извинись за меня. Я не смогу сейчас встречаться с ними. Окончательное обсуждение и подписание контракта придется отложить на некоторое время. Надеюсь, что они поймут меня правильно. Ведь люди же. Самый лучший вариант, если тебе удастся отправить их домой раньше срока. Если же возникнут проблемы, придется тебе одной быть с ними до окончания запланированного визита. Знаю, что ты не подведешь. Корми-пой, развлекай, чтобы они остались довольны, – давал указания НикСтеп дрожащим голосом.

– Пойдемте, я Вам чайку приготовила, – пригласила мама НикСтепа. Он молча встал и последовал за ней на кухню. Присел к столу, сосредоточенно выпил стакан ароматного горячего чаю, однако, больше ни к чему не прикоснулся, хотя мама поставила на стол пирог и варенье.

– Благодарю Вас, даже на душе немного полегчало. Хорошо у вас, спокойно, – сдавленным голосом произнес он. Его подбородок опять задрожал. Но моя чуткая мамуля знала, что нужно делать в таких ситуациях. Она уже накапала какие-то успокаивающие капли и без слов подала ему.

– Еще раз спасибо. До свидания. Извините за поздний визит, но это было необходимо. Не хотелось говорить об этом по телефону, – сказал он, направляясь к двери.

– Господь с Вами, – тихо сказала мама и перекрестила его вслед.

Он ушел, а мы еще долго не могли уснуть, обсуждая случившееся.

– Аленка, а ведь он неспроста пришел к нам, – с тревогой в голосе сказала мама. – Это он сейчас такой открытый и ранимый, а вообще-то – человек непростой и жесткий. Держись, детка, от него подальше. Такие, как он, людей перемалывают, не задумываясь.

От ее слов мне стало так нехорошо на душе. Кто бы знал, что ее пророчество так скоро станет явью.

После завтрака я сообщила своим подопечным эту неприятную весть. Все помрачнели, их лица выражали сочувствие. Они заговорили между собой, обсуждая, как быть дальше. Дитеры ждали, что скажет начальник, а банкиры сразу же предложили завершить визит и уезжать, как можно скорее. Всем было ясно, что продолжения переговоров сейчас не будет, а больше им здесь делать было нечего. Но решающее слово было за фон Штольцем. Я видела, что в нем происходит внутренняя борьба. Разум говорил, что нужно уезжать, но сердце не хотело оставлять меня.

– Фройляйн Элен, попытайтесь, пожалуйста, перебронировать билеты на более раннюю дату. Если получится, значит, мы улетаем раньше. Если же нет, придется пробыть здесь все оставшиеся три дня. Ничего не поделаешь, будет вынужденный отпуск, – вынес свой вердикт Франц и так посмотрел на меня, что я поняла, что он что-то задумал.

После завтрака все разошлись по своим номерам. Было решено отдохнуть немного, а потом еще погулять по городу, походить по магазинам и купить сувениры для домашних. Франц пригласил меня в свой номер. Как только мы закрыли за собой дверь, он сразу привлек меня к себе и поцеловал.

– Милая моя. Я едва дождался, когда ты придешь. Я как мальчишка, не спал всю ночь. Я мечтал и мысленно разговаривал с тобой. – Глаза его блестели, он был радостно возбужден.

– Франц, что делать с вашим отъездом? – я была озабочена предстоящими хлопотами.

– Любовь моя, я искренне сочувствую твоему шефу, но для нас все складывается как нельзя лучше, – лукаво сообщил он. – Ты перебронируешь билеты, но не пять, а четыре, и скажешь, что больше на этот рейс билетов нет. Пусть они улетают и ждут меня в Москве. У них есть дела в нашем московском представительстве. Я же скажу, что побуду здесь, чтобы поддержать господина Соколова. И эти три дня мы проведем только вдвоем! Ты согласна? – Ему очень нравилось, что он все так хорошо придумал.

И кто бы сомневался в том, что эта идея пришла мне по душе?!

Мы все сделали так, как решили, и в этот же вечер отправили Дитеров и банкиров в Москву. Среди провожающих было еще несколько наших сотрудников из руководящего состава, из числа тех, кто не был занят в траурных хлопотах. Один из них – наш коммерческий директор, мой вначале тайный, а потом и явный недоброжелатель. Он довольно долго присматривался ко мне и бывал неизменно приветлив и любезен. Он был убежден, что у меня с шефом «ну очень близкие отношения». Поэтому, при каждом удобном случае, открывал мне дверцу машины, подавал пальто или придвигал стульчик, шутил со мной и угощал разными вкусностями, стараясь подчеркнуть свое дружеское ко мне отношение. До поры до времени я принимала эту игру, но отчетливо понимала, что он очень внимательно наблюдает за мной и НикСтепом. Хитрый лис и проныра! Такому прогнуться для собственной пользы – только за счастье! Я кожей чувствовала, как он ненавидит меня за то, что ему приходится выказывать мне свое почтение. С каким удовольствием он бы унизил и раздавил меня, если бы точно был уверен, что я безразлична шефу. Ведь ему самому было отказано сразу и навсегда, а такие, как он, отказа не прощают. Да! Алексей Иванович Сердунов был еще тот фрукт.

Один из моих друзей-иностранцев, действительно настоящих друзей, мой добрый толстый Ральф, понаблюдав за жизнью в нашем серпентарии, как-то сказал мне:

– Бедная ты моя! Я только сейчас, глядя на тебя, понял, как тяжело быть красивой и умной девушкой в таком окружении. Была бы ты дочка, или любовница какого-нибудь

начальника повыше, тогда никто не посмел бы на тебя посягнуть. Будь осторожна, не дай им сожрать себя. А еще лучше, найди себе богатого иностранца и выйди замуж, и беги отсюда. С твоей внешностью и умом тебе это ничего не стоит. Не жди, когда они поймут, что Николай не при делах. Тогда начнется бал вампиров и даунов! Их тогда уже ничто не остановит. Боже мой, как он был прав в своих предположениях!

– Лен, ну и что ты с ним будешь делать еще три дня? – спросил меня Алексей Иванович. – Ни дела, ни работы. И проку от него сейчас никакого, только одни расходы. Гостиница, питание, машина! Да он нас разорит за эти дни! Вот черт, авиация хренова! Вечно у них билетов нет, когда позарез надо. Ну что придумать? – Он был явно раздосадован тем, что придется потратиться на гостя. Жмот он был ужасный, хотя сам с удовольствием и подолгу, пока хозяйева деликатно не намекали, что пора и честь знать, гостил у наших зарубежных партнеров.

– Слушай, придумал! – воскликнул он обрадовано. – Вези его в наш охотничий дом на озера! Пусть подышит воздухом, а нам это раз в десять дешевле будет.

Я и сама об этом уже подумала. И это стало бы для нас идеальным решением. Мне хотелось уединиться с Францем. Быть подальше от любопытных глаз. Но первой предложить это было нельзя. Я Сердунова уже хорошо знала. Скажи об этом я, он сразу же забраковал бы мою идею. Да еще и домыслил бы черт-те что! Я намеренно выдержала паузу, дав время этой мысли зародиться в его голове. Придумать ничего другого он просто не мог. Но нужно было еще подогреть его, чтобы он заупрямился и настоял на своем.

– Ну, не знаю, Алексей Иванович! Удобно ли будет предложить ему такое? Ведь господин фон Штольц специально остался, чтобы поддержать Николая Степановича. Наверно, он не согласится, – будто сомневаясь, сказала я.

– Нечего ему здесь болтаться! Сейчас не до него. Нужен он шефу сейчас со своими соболезнованиями, как рыбе зонтик! Он гость, и нам виднее, где ему лучше быть, – твердо сказал он.

– Хитра же ты, матушка, ой хитра! Крути ими, как тебе надо! – чертенок внутри ликовал и потирал руки.

– Как считаете нужным, так и сделаю, – покорно сказала я, – только сами ему об этом объявите. Вы ведь сейчас за шефа.

– Хорошо, только переведи все правильно. – Он был польщен моей покорностью и тем, что я подчеркнула его значимость.

Его замечание насчет правильности перевода меня позабавило. Он сказал это с таким видом, будто мог проконтролировать мои знания. Неуч! Он всегда кичился тем, что «знает» английский, и однажды попробовал это продемонстрировать, когда у нас был гость из Америки.

– Mu name Алексей, – важно изрек он, задумался, а потом повернулся ко мне и добавил, – дальше сама переводи.

Полиглот хренов! Хоть бы не позорился. Каждый первоклассник знает, как правильно сказать по-английски «меня зовут...». Недоуменный взгляд Чарльза еще долго жил в моей памяти, вызывая улыбку и неудобство одновременно.

Мы подошли к Францу. Сердунов принял осанистый вид и обратился к фон Штольцу:

– Господин фон Штольц! В связи с тяжелой утратой, которую понес наш директор, он не сможет сейчас уделить Вам нужного внимания. Но у меня есть к Вам предложение. Проведите это время с пользой для себя. У нас есть чудный охотничий дом на озерах. Вы можете отдохнуть там. Лена будет Вас сопровождать.

Я стояла чуть за его спиной, так, что он не мог видеть моего лица. Я глазами сделала Францу знак, чтобы он не сразу соглашался. Мой понятливый Франц. Он все сразу уразумел. Его лицо стало чуть жестче.

– Но я остался и специально не улетел сам только для того, чтобы поддержать моего друга Николая в трудный час, – сухо сказал он. – Мне не хотелось бы уезжать в такую минуту далеко от него.

Любое сопротивление действовало на Сердунова, как красная тряпка на быка. Обычно, он сразу бросался в атаку, сметая все на своем пути. Он слегка покраснел, но только благодаря тому, что перед ним стоял не рядовой человек, а важная птица, сумел сдержать свое раздражение.

– Поймите правильно, господин фон Штольц, – терпеливо объяснял он, – в таком состоянии человеку нужно побыть наедине со своим горем и со своими родными. Присутствие такого важного человека, как Вы, не позволит господину Соколову быть самим собой в этот скорбный час.

Несмотря на мою к нему неприязнь, я отметила про себя, что он действительно прав, шельмец. Оказывается, ничто человеческое и ему не чуждо! Ведь может понимать, когда хочет! Хотя, может это только слова?!

Франц слегка задумался и сказал, что согласен. Мы глазами дали понять друг другу, что сработали чисто. Дело было сделано! Нас ждали три дня уединения и свободы, любви и наслаждения.

Примерно в ста километрах от нашего города есть совершенно уникальное явление природы – ожерелье из семи пресных и глубоководных озер. Эта местность так и называется – Семиозерье. Озера расположены на небольшом расстоянии друг от друга, как будто жемчужины нанизаны на одну нитку, и окружены лесными массивами первой категории. Такие леса находятся под охраной государства. Их нельзя вырубать без разрешения с «самого верха». Строительство там также категорически запрещено. Семиозерье уже давно было объявлено природным заказником. Но, как говорят в наших краях: «До бога высоко, до Москвы далеко». Поэтому наши местные отцы-руководители дали добро НикСтепу на строительство охотничьего дома для приема гостей на одном из этих озер. Его построили на среднем озере. Оно меньше всех по размеру, поэтому самое теплое. Строительство осуществили в рекордно короткие сроки, и среди реликтового леса на берегу голубого озера вырос чудо-теремок. Это был не просто дом, а целый комплекс, который состоял из главного двухэтажного дома, четырех домиков на двух человек и отдельного для обслуживающего персонала. При необходимости здесь можно было разместить до тридцати человек. На самом берегу озера стояла банька.

Въезд в заказник простым смертным был запрещен, только по специальным пропускам. На развилке дороги, ведущей в заказник, круглосуточно дежурил милицейский пост. Поэтому здесь всегда было тихо и безопасно.

Территория комплекса была огромной, но все строения очень гармонично вписывались в окружающий ландшафт. Первым у въезда стоял домик хозяев, которые здесь работали. Далее дорожка вела сквозь лес к центру поляны. В середине ее, со сдвигом к озеру, стоял двухэтажный резной терем. На первом этаже располагалась просторная гостиная с камином, которая служила для приема гостей, переговоров и банкетов. Огромный стол на двадцать четыре персоны, мягкие диваны и кресла, два кресла-качалки у камина составляли убранство гостиной. Стены гостиной украшали охотничьи трофеи и картины, подаренные местными художниками. Справа от гостиной была большая и хорошо оборудованная кухня, где приезжающие повара готовили угощение во время больших приемов. Слева находилось отдельное помещение для частных разговоров, мы называли его кабинетом, и бильярдная. На второй этаж вела массивная лестница. Из довольно просторного холла наверху двери вели в четыре спальни. И еще одну изюминку имело это здание. По второму этажу его окружала открытая веранда, на которую можно было выйти из каждой комнаты. От веранды к озеру спускалась широкая лестница, так что к воде можно было попасть прямо из своей спальни. Со стороны озера веранда

была очень большой. Этой площадки хватало для выступления танцевального коллектива. Когда погода позволяла, и здесь отдыхали важные гости, такие концерты были просто настоящим украшением приемов. Домики стояли по периметру поляны. Расположение домов было таково, что, вроде бы, все отдыхающие были вместе, но при необходимости, можно было уединиться и отдохнуть. Кажущаяся глушь никак не отражалась на комфорте. Здесь все было автономным: свет, вода и даже канализация. В каждом номере имелся туалет, ванна с горячей и холодной водой и телефон. Все строения были деревянными, отделка и убранство помещений выдержаны в старинном русском стиле. И даже окна, огромные современные стеклопакеты, не выбивались из общего интерьера, потому что рамы были тона светлого дерева, а не белыми. Благодаря этому все комнаты были пронизаны светом и воздухом, но в зимнюю стужу было неизменно тепло.

Несколько слов отдельно хочу сказать о том, что я назвала скромным словом банька. Внешне она ничем не отличалась от других строений. Такая же деревянная и резная. Сам сруб был сделан из огромных в диаметре вековых лиственниц. Лиственница очень устойчива к воздействию влаги, поэтому долго не гниет. Внутренние же стены были отделаны осиновой доской. Осина имеет свойство забирать лишнюю воду и запахи. В банях, обшитых осиной, никогда не бывает слишком влажно. Пар в них сухой и легкий. Никакого запаха прели и гнили. Такие строения практически вечны. Баня состояла из нескольких помещений. Сначала довольно просторный предбанник. Здесь оставляли одежду. В шкафу, вдоль одной из стен, стопками лежали простыни, полотенца и банные халаты. На нижних полках рядами стояли резиновые сланцы разных размеров. Другая стена была, можно сказать, украшена вениками для парной. Каких веников здесь только ни было! НикСтеп, частенько отдыхавший здесь, знал толк в парной, и даже специально заказывал, при случае, веники из тех пород деревьев, которые не росли в наших краях. Березовые, дубовые, можжевельниковые, и еще бог знает какие. Даже крапивные веники заготавливались для парной. Огромное зеркало и фен для сушки волос завершали интерьер предбанника. Следующая комната была значительно больше и предназначалась для отдыха после бани. Она функционально делилась на две зоны. Первая зона для отдыха и чаепития, слева от входа. Здесь стоял огромный круглый стол. На нем гордо возвышался ведерный самовар, расписанный под хохлому. Вся посуда в бане тоже была в этом стиле. Просторный, мягкий угловой диван, несколько стульев, холодильник выше человеческого роста, всегда набитый пивом, выпивкой разных сортов, минеральной водой и снедью. Огромный телевизор, видеомagneтофон и музыкальный центр. Справа – спортивная зона, где располагалось несколько тренажеров. Здесь же стояла кушетка для массажа. За комнатой отдыха следовало моечное отделение с разного рода прибабасами в виде различных душей и джакузи с гидромассажем. В центре этой комнаты был небольшой бассейн. Двери, расположенные рядом друг с другом, вели в две парные: сауну и русскую.

Ничего себе банька!? А как же! Все для себя любимого! В начале я упомянула, что баня стояла на берегу озера. И не случайно. Любимым занятием парильщиков было нырять, сразу после парной, в озеро. В зимнее время прямо перед баней выдалбливалась огромная прорубь. Не баня, а целый спортивно-оздоровительный комплекс!

Все гости, побывавшие в «Голубом озерке», долго пребывали в состоянии щенячьего восторга. И было от чего! Тишина, воздух, настоящий на лесных запахах, полный отрыв от цивилизации, и в то же время стопроцентный комфорт! Что еще нужно для классного отдыха?! Человек в такой ситуации, не страдая от отсутствия привычных условий жизни, все-таки остается наедине с природой, отдыхает душой и телом.

Молва об этом чуде среди тайги быстро разлетелась в народе, но доступ сюда имели только избранные. Даже губернатор неизменно согласовывал приезд своих гостей с НикСтепом. Только он был здесь полновластный хозяин. Я тоже частенько бывала в «Голубом озерке» вместе с шефом и нашими гостями, поэтому чувствовала себя здесь, как рыба в воде.

Хозяйка и хозяин, Мария Егоровна и Андрей Николаевич, были семейной парой. Они работали здесь со дня основания. Им было лет чуть более пятидесяти. Чудные люди, душевные и умные. Раньше они работали в Геологоуправлении, по специальности оба геохимики. Имели хорошую квартиру в городе, машину. Но во времена смутные и бурные их единственный сынок, перерзлый и бестолковый отрок, вляпался в какую-то историю, наделал долгов и был практически приговорен к расправе. Что не сделают родители для единственного чада?! Квартира и машина пошли в уплату долгов. Сынок был выслан к далеким родственникам во спасение души и тела. Тяжело пережив этот жуткий для них период, они сразу вознамерились уехать из города. Однако, в нашем небольшом городе они были известны своей честностью, порядочностью и трудолюбием. К тому же, Андрей Николаевич слыл трезвенником. Тут-то и сделал НикСтеп им такое предложение. Прекрасные условия жизни, хороший заработок, а главное – уединение, о котором мечтала, в то время истерзанная переживаниями, душа. Воистину, Господь мудр и щедр! Он всегда посылает нам то, что более всего необходимо в определенный момент жизни. Это было то, что нужно, и они, не раздумывая, согласились. Их круг обязанностей был ясен и прост: следить за комплексом, как за своим кровным, и принимать гостей. В дни приезда больших компаний здесь бывало суетно и шумно. Но ведь не каждый же день. К тому же, следуя негласному правилу, они практически не показывались на людях. Всю работу исполняли тихо и незаметно. Только когда гости приезжали конкретно поохотиться и порыбачить, руководил этими делами Андрей Николаевич. Он был большой знаток охоты и рыбалки, к тому же знал каждую тропку, каждую заводь. Гости бывали неизменно довольны своими охотничьими и рыбацкими трофеями.

У меня сложились с ними теплые, почти родственные отношения. Вначале они приняли меня настороженно и даже несколько неприязненно, приняв за молодую фитюльку для ублажения гостей. Но, присмотревшись и поняв, что я исполняю совсем другую роль, к тому же не пью и веду себя вполне прилично, полюбили меня, как родную дочь. Всякий раз приезжая в «Голубое озерко», я всегда стремилась их чем-нибудь порадовать. Николаевичу всегда свежие газеты и журналы, а еще пачку «Капитанского» табаку. Он был большой любитель прессы, и, читая, покуривал трубочку. Мария Егоровна обожала всякие сласти. Она с детским наслаждением лакомилась халвой, зефиром и шоколадными конфетами.

Обговаривая детали предстоящей поездки, Сердунов предположил, что машину с водителем нельзя отправлять на столько дней. В эти дни каждые колеса были очень нужны.

– Отлично, – подумала я. Любопытный и болтливый водитель был нам нужен меньше всего, а вслух сказала, – Алексей Иванович! Я попрошу, и нас увезет мой знакомый. Сердунов этому решению несказанно обрадовался и согласился. Еще одна проблема с плеч долой! Я позвонила своему верному Витьке и попросила:

– Вить, не выручишь меня? Нужно везти гостей на озеро, а машина задействована на похоронах жены шефа. Дай мне свою на три дня. Верну, как всегда, в лучшем виде, – добавила я, точно зная, что он никогда и ни в чем не мог мне отказать. Витька знал, что я хорошо вожу машину, ведь подбил меня на это и обучал вождению он сам. Я даже в ГАИ экзамен сдала с первого раза. И сама! Без всякой смазки! Поэтому по первой моей просьбе его машина была всегда в моем распоряжении. Он только всякий раз просил меня быть осторожной.

– Забирай, но если убьешься, домой не возвращайся, – не обсуждая мою просьбу, поцыгански пошутил Витька.

Франц ждал меня у гостиницы. Я подъехала на Витькином белоснежном «Марке» и посигналила ему. Он сел рядом со мной, и мы покатали навстречу свободе!

Выехав за пределы города минут через двадцать, мы вырвались на шоссе. Я прибавила скорость. В приоткрытое окно залетал теплый ветерок, звучала музыка по радио. На душе

было спокойно и радостно. Все устроилось так, как мы с Францем этого хотели. Казалось, сама судьба на нашей стороне, потому что мы были влюблены.

По обе стороны дороги стоял осенний лес. Было необыкновенно красиво! Вдруг Франц обратил внимание на березу, увешанную цветными тряпочками.

– Элен, что это такое? – недоуменно спросил он. Я остановила машину, мы вышли, и я принялась рассказывать.

В наших краях коренное население – буряты, поэтому многое и в нашей жизни связано с их религией – буддизмом. Следуя буддийскому учению, буряты утверждают, что каждая местность имеет своего Духа-Покровителя. Поэтому в священных, по их определению, местах они выбирают дерево, чаще всего березу, которая становится объектом поклонения. На нее привязывают разноцветные лоскутки, кладут под дерево деньги и угощение: кто сласти, кто сигареты, кто что может. Если есть спиртное, люди обязательно выпьют возле этого дерева, и обязательно плеснут под него. Никогда ни один бурят, как бы он ни торопился, не проедет мимо такого места, не остановившись, не отдав дань уважения и поклонения Духу-Покровителю. В таких местах можно загадывать самые сокровенные желания, просить бога об их исполнении. Постепенно этот обычай стал таким же естественным и для русских, несмотря на другую веру. Хотя, лично я думаю, что Бог есть, и он един, только называют его по-разному.

Франц очень внимательно и серьезно выслушал мой рассказ. Затем подошел к машине, достал из своей сумки бутылку вина, откупорил ее и налил в стаканчик. Затем также молча подошел к березе, отлил вина, постоял, слегка шевеля губами, остальное медленно выпил. Достал из кармана немецкую марку монетой и бросил под дерево, сигарету аккуратно положил на камешек. Я тоже бросила под дерево несколько монет.

– Элен, – нарушил молчание Франц, когда мы уже отъехали от этого места, – я благодарил сейчас всех богов за то, что встретил тебя, и просил их, чтобы они послали нам счастье и благословили нас.

Я взглянула на него. Он был необычайно серьезен и даже слегка бледен. Я промолчала. Мне казалось, что все слова будут сейчас не к месту. Все и так было понятно. Мы думали одинаково, и даже к Богу обращались с одной и той же просьбой. Оставшуюся часть пути ехали молча, каждый погруженный в свои мысли.

Вот и знакомая развилка. Еще через пять минут я затормозила у ворот «Голубого озера». Посигналила. Через несколько секунд их своего домика вышел Андрей Николаевич. Увидев меня, заторопился к воротам.

– Здравствуй, Леночка, а мы уже тебя поджидаем. Алексей Иванович позвонил, предупредил, что с гостем едешь. Мы уже и комнаты, и баньку приготовили, – радушно говорил Николаевич, пожимая обеими руками мою ладошку.

– Здравствуйте, – чинно добавил он, обращаясь к Францу, однако руки не подал. Он всегда держался подчеркнуто вежливо и официально с незнакомыми людьми, никогда не стремился к фамильярности и панибратству. Рукопожатие Николаевича дорогого стоило, несмотря на то, что был он здесь просто работник.

– Лапушка моя, красавица моя приехала, – зазвенел голосок Марии Егоровны. Она тоже спешила к воротам. И тоже чинно и с достоинством поздоровалась с Францем.

Я представила гостя Марии Егоровне и Николаевичу, Францу – хозяев. Он смешно попытался повторить за мной их имена и отчества. Однако, ему это не давалось. Посмеявшись, порешили на том, что, коль скоро, ему трудно выговаривать отчества, он будет звать их фрау Мария и Николаич. Себя предложил называть просто Францем. Этот смешной эпизод и общий искренний смех моментально расположили, еще пять минут назад незнакомых людей, друг к другу. Франц и Николаевич взяли из машины коробки с провизией. Сначала мы зашли в дом к хозяевам. Я распаковала коробки. Моим гостинцам тетя Маша и дядя Коля были, как всегда,

очень рады. Тут меня удивил Франц. Перед поездкой я рассказывала ему, какие они чудные люди, и он, желая сделать им приятное, тоже прихватил с собой презенты. Николаевичу он вручил бутылку дорожущего немецкого шнапса, а Марии Егоровне огромную коробку конфет. Надо было видеть их лица в этот момент. Им было очень приятно, что незнакомый человек, да еще такая важная персона, с таким вниманием отнесся к ним. Про важную персону им сообщил Сердунов. В отсутствие шефа он обожал всех стращать и строить. Вот и сегодня, разговаривая с Николаевичем по телефону, тоном главного распорядителя он приказал, чтобы перед гостем ходили на «цырлах», что если ему что не понравится, шеф голову снимет. Об этом мне шепотом сообщила тетя Маша. Теперь я поняла, почему так настороженно они встретили Франца.

– Леночка, вы пока устраивайтесь, отдохните с дороги, уже и банька поспела, а я ужин приготовлю, – хлопотала Мария Егоровна, протягивая мне ключи от главного корпуса.

Мы с Францем направились к дому. Он все восхищался природой и красотой и ухоженностью территории, подмечая каждую мелочь, во всем находя свои прелести.

Я открыла ключом входную дверь. Широкая двухстворчатая дверь распахнулась, и перед его взором предстала гостиная. Он вошел, огляделся и сказал, – С каким удовольствием я провел бы здесь не три дня, а целый месяц! Фантастиш! Я даже предположить не мог, что в глухом русском лесу увижу такой сказочный дом. А ты в этом доме – моя сказочная фея! – Он притянул меня к себе и покрыл поцелуями мое лицо. Я тоже обняла его и молча наслаждалась его ласками. Поднявшись по лестнице на второй этаж, мы с Францем осмотрели все спальни. Ему нравилось буквально все, и он, не переставая, восторгался удобством комнат и уютной обстановкой. Он выбрал спальню, окна которой выходили прямо на озеро. Оставив свои вещи в спальне рядом, я зашла в его комнату, чтобы позвать его продолжить осмотр комплекса. Он сидел на просторной кровати. Увидев меня, поднялся, шагнул ко мне и снова обнял меня.

Мы стояли, обнявшись, и наблюдали в окно вечерний закат. Солнце медленно садилось над озером. Видимо, погода готова была измениться. В небе играли яркие зарницы. Эта вечерняя красота, величие солнца и неотвратимость заката будили в душе двойственные чувства. Захватывало дух оттого, что мы наблюдаем изумительной красоты природное явление. Стремительно садившееся солнце наводило на мысль, что все в этом мире имеет не только свое начало, но и конец. Острая иголочка дурного предчувствия слегка кольнула сердце, но я, охваченная бесконечной нежностью к мужчине, обнимавшему меня, не обратила на это внимания.

Наши мысли и чувства были созвучны друг другу, поэтому близость была вполне естественной, без заигрываний и ложной скромности. Это был единый порыв двух любящих сердец. Мы ласкали и лелеяли друг друга, как бы знакомясь и узнавая доселе неведомое существо. Я гладила его сильное, мускулистое, загорелое тело. Прикосновения дарили необыкновенное чувство восторга! Все в нем было мне бесконечно мило и дорого! Глядя на Франца, я читала на его лице те же чувства. Потом мы долго лежали, не двигаясь, сплетя пальцы рук. Покой и тихая радость царили в душе. Этому способствовала и обстановка в доме. Я точно знала, что никто не войдет в дом без приглашения, когда в нем есть гости. Таков был порядок, который никогда не нарушался.

А потом я предложила Францу посмотреть нашу баню.

– Хочешь побывать в настоящей русской бане? По русскому обычаю муж и жена моются в бане вместе. Ты когда-нибудь парился березовым веником? – спросила я.

– Нет, но с тобой пойду хоть в огонь, хоть в воду, – ответил Франц и еще раз поцеловал меня.

Баня привела его в еще больший восторг. Он всему изумлялся и радовался. Сначала мы погрелись в сауне, а потом я затащила его на полок в русской парной. Предварительно запарив березовый веник, я сначала слегка похлопывала его по голому распаренному телу. Когда он разомлел окончательно, и его кожа покраснела, я поддала пару и стала хлопать его

веником достаточно сильно. От новизны ощущений он вскрикивал, но лежал, не делая попыток освободиться из моего плена. Когда его тело запылало как факел, я скомандовала ему:

– А сейчас быстро ныряй в бассейн!

Он вскочил и, не задавая вопросов, стремглав бросился в воду. Чтобы испытать, что значит в буквальном смысле выражение «из огня да в полымя», достаточно из парной нырнуть в ледяную воду. Жаркое тело совсем не чувствует холода. Наоборот, холоднящая вода в первый момент обжигает его. И тут, главное, не пересидеть в воде. Когда пулей вылетаешь из воды, все тело, кажется, звенит, как натянутая струна. В душе бушует первобытный восторг! Опытные парильщики проделывают такую процедуру по нескольку раз, проводя в парной не менее трех часов. Зато после бани тело кажется невесомым. Умиротворение и расслабленность завладевают тобой полностью. Для этого и существует место для отдыха в бане. Завернувшись в пушистую простыню или халат, приятно спокойно посидеть и попить чайку с целебными травками и медом. Мужчины предпочитают успокаиваться холодным пивком, но лично я не любительница этого. После бани я признаю только чай! Пока Франц отдыхал на диване, я заварила свежий, душистый чай с мятой и чабрецом. Терпкий запах поплыл по комнате. Чай пили молча. Недавно пережитая первая близость, а потом и парная, казалось, вычерпали наши чувства до дна.

В дом к хозяевам мы заявили свежими и розовыми, как молочные поросята. Мария Егоровна уже накрыла стол. Блюда на столе были простыми и здоровыми. В глубокой тарелке дымилась свежая картошечка с лучком и укропчиком, огурчики и помидорчики с хозяйского огорода выглядели очень аппетитно. Но самое главное блюдо на столе тех, кто живет у богатой воды, это, конечно, рыба. Николаевич был известный умелец по части приготовления рыбы. Так, как коптил рыбу он, больше никому не удавалось. Она получалась по-настоящему золотая, сочная, всегда в меру соленая.

– Главное, – делился он как-то со мной секретом копчения рыбы, – чтобы не попали смолистые сосновые дрова, иначе рыба будет горькая. Опять же тузлук надо готовить в меру соленый и рыбу в нем не передержать, а то рыба со слезкой не получится.

Его рыбка была всегда, так сказать, со слезкой. Под золотистой кожей мясо рыбы было розовым и нежным, и сочилось соком, как слезой.

Какой только рыбы здесь не было! Соленая розовая пелядь, фаршированная щука, копченые окуни, жареные в сметане караси – вот далеко не полный перечень рыбных блюд, которыми угощали нас хозяева. И еще у Марии Егоровны было одно коронное угощение. Икру рыб, в основном карасевую, щучью или окуневую она взбалтывала с молоком и яйцом и жарила на сковороде. Никогда не пробовали? Если доведется, пальчики оближете! Еще накануне Николаевич подстрелил дикую козочку, поэтому на столе дымились куски жареного на углях мяса. Тоже, доложу я вам, вкуснейшее блюдо! Не какая-то мороженная импортная свинина. Соленые груздики и рыжики, в диаметре не более пяти сантиметров, так и просились на зуб. Нам с Францем в городе не довелось даже пообедать. Да еще после бани! Мы чувствовали себя ужасно голодными и уплетали все за обе щеки. Николаевич, после наших уговоров, сделал исключение из правила и позволил себе тоже немножко выпить за компанию. За столом царил такая атмосфера, как если бы дети приехали к родителям после долгой разлуки. Тетя Маша и дядя Коля подкладывали нам лучшие кусочки и с удовольствием смотрели на нас. Будучи людьми с настоящим высшим образованием, они помнили многое из институтской программы по немецкому языку. Очень простыми словами и выражениями они все-таки могли объясняться с Францем. Когда дело заходило в тупик, на помощь приходила я. Разговор клеился, был неспешным и легким: о работе, о жизни, о семье и детях. Франц с удовольствием рассказывал о родном городе, о работе и об отце. Но когда речь зашла о жене и детях, он слегка

помрачнел и предпочел перевести разговор на другую тему. Я отметила про себя эту перемену в нем и решила поговорить с ним об этом позже, наедине.

Засиделись за полночь. После ужина и чаепития нас охватила ленивая истома. Пожелав спокойной ночи, мы с Францем отправились в наш дом. При свете полной луны, окружавший нас лес казался загадочным. Поднимался ветер. Деревья раскачивались и шумели. По небу плыли темные тучи, все чаще закрывая яркий диск луны. Вдалеке слышались глухие раскаты грома. Приближалась гроза. Мы едва успели добежать до дома, как по траве зашлепали редкие и крупные капли дождя. Мы, не сговариваясь, вместе направились в спальню Франца. Уютно устроившись под теплым одеялом, мы долго лежали, слушая, как за окном бушует непогода. Я не решила разрушить идиллию этого чудного вечера и не стала расспрашивать его о жене. Я подумала, что он сам мне расскажет то, что посчитает нужным. Даже вступив с ним в близкие отношения, я не строила никаких планов и не питала иллюзий. Мне было просто очень хорошо с ним. Я любила его. Здесь и сейчас.

Всю ночь лил проливной дождь, гремел гром и сияла молния, но нам с Францем было тепло и спокойно. Мы спали, обнявшись. Уже утром, часов, наверное, в шесть, гроза стихла, дождь прекратился.

Утро порадовало нас ярким солнцем и чистым голубым небом. От непогоды не осталось и следа. Только сбитые дождем желтые листья, устилавшие землю и траву, напоминали о том, что творилось вчерашней ночью.

Озеро было спокойным. После завтрака мы решили просто покататься на лодке. О рыбалке после дождя не могло быть и речи. Пустая трата времени. Рыба ушла глубоко. Уединившись в лодке, мы наслаждались теплым солнышком, спокойной гладью озера и обществом друг друга. У Франца был очень хороший голос и слух. Он тихо пел мне. Я подпевала те песни, которые знала. Все эти дни, которые мы провели на озере, мы были предоставлены сами себе. Мария Егоровна и Андрей Николаевич занимались своими делами. Мы встречались с ними только за столом, когда приходили покушать. Не нужно было опасаться, что нас кто-то увидит или услышит. Мы гуляли, катались на лодке, даже однажды сходили за грибами. Можно было, не оглядываясь, целоваться и обниматься, когда нам этого хотелось. Утомившись от прогулок, мы уединялись в спальне Франца. Мы дарили друг другу любовь и нежность, переполнявшую каждого из нас.

К сожалению, все хорошее заканчивается всегда значительно быстрее, чем этого хочется. Наступил наш последний вольный день. После завтрака нужно было уезжать. Мы с Францем решили, что ради приличия нужно посетить НикСтепа. А уже вечером был его самолет в Москву, где его ожидали коллеги. Я так и не спросила Франца ни о чем. Было жаль тратить время на такие разговоры. Я была счастлива и благодарна судьбе за то, что она подарила мне Франца, пусть на эти короткие три дня.

Вернувшись в город, мы купили траурный венок и поехали к НикСтепу. Прощание было в ритуальном зале. В гробу лежала маленькая, сухонькая женщина. Лицо ее было спокойно и умиротворенно. Казалось, что она, до конца выполнив все свои земные дела, тихо отошла в мир иной. Возле гроба стоял потерянный НикСтеп и их дети, уже взрослые юноша и девушка. Кое-кто тихо плакал. Франц выразил НикСтепу свои соболезнования и поставил у гроба венок. Они коротко попрощались, договорившись созвониться и обсудить незаконченные дела. Мы сразу же уехали.

В гостинице Франц нервничал и никак не мог упаковать вещи. Он все время подходил ко мне, коротко, но нежно целовал меня, и опять принимался за чемодан. Предстоящая разлука его страшно тяготила.

– Элен, я не хочу уезжать! Я не хочу больше расставаться с тобой. – Он с силой прижимал меня к своей груди. – Ты только моя, я не отдам тебя никому! – волновался Франц.

– Ты приедешь ко мне в Германию на Рождество. Я приглашу твоего Соколова для подписания контракта, и ты приедешь вместе с ним, – решительно сказал Франц.

– А если он меня не возьмет с собой? Такой вариант может произойти, вполне. НикСтеп тонко чувствует чужую игру – сказала я, сомневаясь в успехе задуманного.

– Нет, я его перехитрю. В Рождество обычно все немцы отдыхают. Я скажу ему, что могут быть трудности с переводчиком, и посоветую взять тебя с собой. Не беспокойся, это мои проблемы. Я все устрою, – уверял меня он. – В конце концов, если не получится так, я пришлю тебе приглашение, ты оформишь визу и приедешь ко мне, но уже навсегда. До этого времени я постараюсь решить свои семейные проблемы.

– А они у тебя есть? – Я решилась задать, мучивший меня, вопрос, и сердце замерло, ожидая ответа.

– А как ты думаешь?! Нелюбимая и не любящая жена, которая женила меня на себе из-за моего состояния, а уже через месяц после свадьбы предпочла официантку из кафе, это проблема или нет?! – горячася, выкрикнул Франц.

– Ну, что значит женила? Ты что, без сознания был? – Я уже была не рада этому разговору.

Но Франц, видимо, долго готовился к этому объяснению. Ему было необходимо мне все рассказать. Он закурил и начал свою историю.

– Ирма моих лет, то есть ей сейчас тоже тридцать пять. Мы познакомились с ней, когда оба еще учились. Нам было тогда по двадцать. Я изучал финансы, а она химию и биологию. Она никогда мне не нравилась. Симпатичная, стройная, но как будто неживая. Настоящая балтийская селедка! Гладкая, скользкая и холодная. Однажды, тогда я даже не догадался почему, мы вдруг оказались в одной студенческой компании, хотя до этого нигде и никогда не пересекались. Естественно, выпивали, танцевали, как вдруг мне стало плохо, и я отключился. Очнулся и не сразу понял, что лежу в постели с Ирмой. Она спала рядом со мной и была голой. Я тоже был голым. Я вскочил с постели, откинув одеяло, и увидел, что мои ноги и мой член в засохшей крови. На простыни тоже были кровавые следы. Бедра Ирмы также были запачканы кровью. Я испугался и стал будить ее. Ирма проснулась, начала плакать и поведала мне, что я накинута на нее, когда она помогала мне лечь в постель, и изнасиловал ее. Я не мог поверить, что это было так, но следы крови подтверждали ее страшный рассказ. Я был тогда настолько ошеломлен, что мне даже не пришло в голову поразмыслить над тем, как может девушка просто спокойно спать рядом со своим обидчиком? Мне не пришло в голову настаивать сделать анализ крови, которой мы были перепачканы. В конце концов, столько крови могло натечь только с зарезанного барана, а не из-за того, что девушку лишили девственности. Но я тогда совсем ничего не соображал. Я был испуган и сбит с толку. Я сразу представил, что я скажу своему отцу, и что он скажет мне! Ирма, видя мое смятение, подлила масла в огонь.

– Если ты сегодня же не пойдешь к моим родителям и не попросишь моей руки, я заявлю в полицию, что ты меня изнасиловал, – твердо сказала она.

Дурак! Мне надо было самому вперед нее бежать в полицию, но я испугался скандала. Громкое имя ко многому обязывает. Фамилия фон Штольц известна всей Германии. Отец с малолетства твердил мне, что фон Штольцы никогда не были подлецами, предателями, недостойными людьми. Испокон веков род фон Штольцев был одним из самых уважаемых в стране. Представляешь мое состояние?! Я – подонок и насильник, попадаю в тюрьму. Мой отец умрет от горя. И я смалодушничал и согласился. Но, избежав одной тюрьмы, я попал в другую. Как я думал, пожизненно. Ее родители с радостью согласились отдать свою дочь замуж за фон Штольца. Не за меня, а за фамилию и состояние! Ее отец – бюргер средней руки. О таком он мог только мечтать! Назначили день свадьбы. Но судьба пыталась мне помочь, и у нее умерла

бабушка. Свадьбу отложили. Я уже немного пришел в себя и предложил ей подумать еще раз, ведь не стоит выходить замуж за нелюбимого человека. Но она приперла меня к стенке, заявив, что беременна.

Сразу я не посмел сказать отцу, из-за чего так скоропалительно решил жениться на первой попавшейся девушке. Он всегда был для меня недостижимым идеалом. Страх быть недостойным отца сковывал меня. Он без разговоров принял мое решение, узнав о нашей с ней, якобы, близости, хотя я знал, что он не доволен моим выбором. Теперь же, когда Ирма сказала ему, что уже беременна, о расставании не могло быть и речи. Отец сказал, что никто из фон Штольцев, даже в древние времена, даже прижив детей от дворовой челяди, никогда их не бросал. Если я сделаю так, я просто выродец, не достойный носить такую фамилию. И я сдался. В первый месяц после свадьбы я старался, коли уж так случилось, наладить наши отношения. Я проявлял внимание к Ирме и был нежен с ней, помня о том, что она носит моего ребенка. Но обман быстро раскрылся. Я уличил ее во лжи. Я потащил ее к врачу, и выяснилась еще более ужасная вещь. Ирма никогда не сможет иметь детей. У нее детская матка. Этот дефект в таком возрасте неизлечим. В конце концов, я узнал, что она тогда меня просто усыпила, и, облив свиной кровью, добилась своего. Считая себя вправе расстаться с обманщицей, я сказал отцу, что развожусь с ней. Но он опять меня не поддержал. И опять родовые принципы нависли надо мной: фон Штольцы женятся и выходят замуж только один раз. Все остальное вне закона. Раз уж сам попал в такую историю, как дурак, то нужно, хотя бы, лицо сохранить. У меня тогда не было сил с ним бороться. И все поплыло по течению. Все эти годы я жил своей жизнью, она своей. Я даже никак не отреагировал на то, что она лесби и встречается с официанткой из кафе. После скандала у врача у нас были разные спальни. Ирма жила для себя, в свое удовольствие. Единственное, что я сделал твердо, так это ограничил ее расходы вполне скромной суммой, за пределы которой она не имела права выходить. Никаких прав в отношении нашего имущества и бизнеса она не имела. Так было оговорено в брачном контракте. Она была рада и этому. В доме ее отца такая сумма, которую я выделял ей в месяц, тратилась на всю семью из пяти человек в год, а зарабатывать сама она так и не научилась. Таким образом, получалось, что я платил ей за собственную глупость и трусость. Мне было абсолютно все равно. Я весь ушел в работу. Я тихо ненавидел ее, а вместе с нею и всех остальных женщин. Изредка я позволял себе встречаться с другими женщинами, но меня это никак не волновало. И вдруг, мой приезд в Россию и встреча с тобой! Ты перевернула все во мне! Я влюблен, я хочу жить с любимой женщиной! Я хочу иметь от тебя детей! Не хочу больше терпеть в своем доме эту лживую куклу! По приезде я поговорю с отцом и, чтобы он мне ни сказал, добьюсь развода и женюсь на тебе. Ты выйдешь за меня замуж? – глядя мне в глаза, спросил Франц.

– Если ты меня действительно любишь, если не пожалеешь о сказанном и не передумаешь, то да, – прямо ответила я.

Франц обнял меня и заплакал. Я почувствовала острую жалость к этому большому мужчине. После откровенного рассказа, в котором излилась вся боль его сердца, он выглядел обескураженным и даже слегка жалким, как маленький мальчик, который пришел к маме, чтобы она его пожалела и спрятала от обидчиков.

– Да, силен он только внешне. Смотри, пронадеешься, – констатировал мой внутренний неприятель.

– Сгинь, нечистый дух! Мы любим друг друга, и у нас все получится, – защищало меня мое Светлое Я.

Как часто мы слышим только то, что хотим слышать, и с упорством отмахиваемся от того, что слышать нужно. Как часто мы не доверяем своей внутренней мудрости. Только по прошествии многих лет я поняла, что нечто, внутри меня, что я считала черным и злым, на самом деле берегло и предупреждало меня.

Самолет был поздно вечером. Под всеми благовидными предложениями мои начальники «не смогли» приехать попрощаться с Францем. Я провожала его одна. Мы стояли вдвоем у выхода на посадку. Он держал меня за руки, смотрел мне в глаза и обещал скорую встречу, решение всех проблем и долгую счастливую, совместную жизнь.

Рождество с любимым.

НикСтеп появился в офисе только на десятый день после смерти жены. Он был притихшим и задумчивым. Подолгу стоял и смотрел в окно. Часто не сразу слышал, когда к нему кто-то обращался. Он был еще весь во власти, постигшего его, горя. Все намеченные визиты, переговоры были отменены. Исполнялась только текущая работа. В моей бурной деятельности наступило вынужденное затишье. Незаметно пролетела осень.

Ноябрь, безусловно, еще осенний месяц. Но когда в конце месяца ударили первые серьезные морозы, все вдруг с удивлением обнаружили, что теплая продолжительная осень закончилась. У нас наступила зима. Выпал первый снег. От этого белоснежного великолепия и на душе было светло и чисто!

Я стояла у приоткрытого балкона и неспешно покуривала, предаваясь воспоминаниям о минувшей осени и о Франце. Он звонил мне часто. Вот и сегодня рано утром меня разбудил телефонный звонок.

– Доброе утро, любовь моя! Ты еще спишь? Я представляю себе, какая ты теплая и нежная лежишь в своей постели. Хочу порадовать тебя. Сегодня вы уже должны получить приглашение на оформление визы в Германию для тебя и твоего шефа. Ты рада, счастье мое? Скоро ты будешь рядом со мной, мой рождественский подарок! – Франц говорил в трубку родным голосом. Этот голос придавал мне уверенности в том, что он любит меня, и что все будет хорошо. Резкий звонок телефона вырвал меня из моих грез.

– Лена, зайди ко мне, – попросил НикСтеп.

Все это время он, казалось, не замечал меня. Вел себя достойно, так, как подобает вести себя человеку, пережившему утрату близкого.

Я появилась в кабинете. НикСтеп сидел за своим столом, перебирая бумаги.

– Вот документы, пришли из Германии. Нужно заполнить анкеты и другие необходимые бумаги для оформления виз. Мы с тобой 23 декабря должны вылететь в Берлин к фон Штольцу. После Рождества сразу будет подписание несостоявшегося осеннего контракта. Ты летишь со мной. В Рождество у них там проблема найти переводчика, все отдыхают. Поэтому ты мне будешь там нужна, – отчетливо произносил слова НикСтеп, – вопросы есть?

Сердце прыгнуло вверх, а потом ухнуло вниз, и повисло на тонюсенькой ниточке, готовое оборваться в любую секунду. А если бы я не была предупреждена?! У меня бы, наверное, случился разрыв сердца от счастья! Но я знала, что моя бурная радость может вызвать обратную реакцию у шефа, поэтому я попридержала эмоции и сказала:

– Германия это, конечно, здорово, – якобы с сомнением в голосе произнесла я – А Новый год, Николай Степанович? Мы ведь не вернемся к Новому году? Я, пожалуй, не смогу. После смерти папы мы всегда отмечаем Новый год вместе с мамой. Если я уеду, она останется одна.

– Лена, что за капризы? Это работа, и мама все поймет. Ну, как я справлюсь там без тебя? Другого переводчика я брать не хочу, ты уже в курсе всех дел. Без тебя и мне там делать нечего, – настаивал НикСтеп, покорно направляясь в мою ловушку. – Тем более, эта командировка будет хорошо оплачена. Да, еще хотел сказать тебе, что если контракт будет подписан на наших условиях, ты получишь пусть небольшой, но свой процент от прибыли. Ты в этом деле много поработала, – продолжал убеждать меня шеф.

Я сделала вид, что только подчиняюсь его приказу, но на самом деле мне совсем не хочется лететь в какую-то Германию накануне Нового года. А внутри все ликовало! Мой чудный Франц! Он все сделал, как и обещал!

Исполнение формальностей – дело нудное, но и оно когда-нибудь заканчивается. Все было готово вовремя, и мы 23 декабря уже летели рейсом Москва – Берлин. В аэропорту радостный Франц тепло и сердечно приветствовал нас. Не имея возможности обнять и расцеловать меня, он ограничился крепким рукопожатием. Но его глаза...! Они сияли и лучились счастьем! В них было столько любви и нежности, что я опасалась, как бы пронизательный НикСтеп чего не заподозрил. Но Франц не терял бдительности и был просто в меру галантен, когда шеф смотрел на нас.

Франц заказал нам два одноместных люкса в шикарной гостинице Берлина. Тридцативосьмизэтажный отель возвышался недалеко от самого центра, объединенной не так давно, столицы. Из окон отеля мы могли видеть теперь уже исторический памятник – остатки Стены, проходившей по демаркационной линии, некогда разделявшей Берлин на две части, и Бранденбургские ворота. Рассматривая улицы, здания, людей, проходивших и проезжавших мимо, из окна машины, а потом еще и поселившись в отеле, в котором жила семь лет назад во время туристической поездки, я медленно возвращалась в памяти в те далекие и счастливые студенческие годы. Тогда, уезжая, я забыла в номере именно этой гостиницы свой талисман, подаренный мне моим первым возлюбленным. Это был маленький слоник из кости, которого я носила на шее, и никогда с ним не расставалась. Стоя на вокзале у вагона уже готового к отправлению поезда, я вдруг с ужасом обнаружила его пропажу!

– Дими, я потеряла свое счастье! – взволнованно обратилась я к нашему гиду. – Я оставила в гостинице своего слоника. Принимала душ, и забыла его в ванной.

– А может быть это знак, что тебе все-таки надо остаться? – спросил он, потянув меня за руку из вагона. – Ну, сделай только один шаг, и все в твоей жизни изменится! – продолжал убеждать меня Дими. Он до последнего не терял надежды, что ему удастся уговорить меня остаться. Буквально накануне отъезда он опять предпринял попытку склонить меня к этому решению. Мне было лестно, что я так понравилась ему, что он очень высоко оценил мои знания языка, что предлагал принять участие в устройстве моей судьбы.

– Элен, ты будешь учиться в Берлинском университете, и работать в «Интуристе». Через полгода никто даже уже не скажет, что ты русская, – убедительно говорил он.

Бедный Дими, если бы он только знал, что именно его последняя фраза вмиг отрезвит меня. Слушая, как он расписывал мое будущее, я представляла себе моих маму и папу, друзей и подруг, с которыми придется расстаться в случае, если я решу остаться. Мне было всех бесконечно жаль, но перспектива вырваться из душного СССР манила и будоражила воображение. По детской наивности я даже и представить себе не могла, что бывает с родителями и близкими невозвращенцев. Что ожидает меня саму в этом случае. Я не думала о плохом. Но его последняя фраза о том, что скоро во мне никто не признает русскую, вдруг вызвала во мне резкую неприязнь.

– А почему ты думаешь, что я не хочу, чтобы во мне признавали русскую? Это стыдно, на твой взгляд, быть русской? – почти враждебно спросила я, и он сразу понял, что проиграл окончательно. Теперь уже ничто не могло убедить меня остаться. Я вдруг ощутила прилив необыкновенной любви и нежности к своей, в то время не совсем благополучной Родине. По моему убеждению, это было сродни тому, чтобы бросить больную и старую маму на произвол судьбы, побежав искать лучшей доли. Я вытянула тогда свою ладошку из его руки и помахала на прощание. Я возвращалась домой! Но в голове мелькнула мысль, что, если оставляешь где-то дорогую сердцу вещь, то непременно вернешься туда еще раз.

Теперь, по прошествии стольких лет, я снова пришла к выводу, что судьба все время посылает нам разные знаки. Но мы, в большинстве своем, слепы, глухи и просто не внимательны. Мы не хотим остановиться, прислушаться и попытаться понять, а что же это значит? Жизнь устроена очень мудро и имеет свои неписанные законы. Люди, способные к восприятию на духовном уровне, пусть иногда ошибаясь, но все-таки усваивают их, поэтому они благополучны во всех смыслах этого слова: они здоровы, морально и физически, они процветают во всем, в делах и отношениях, с ними не происходят неприятности и несчастные случаи. Ведь все, что мы считаем отрицательными явлениями в нашей жизни, это ее подсказки, что с нами не все благополучно, где-то и что-то мы сделали не так. Мне пришла в голову мысль, сравнить правила жизни с правилами дорожного движения. Если мы нарушаем их, например, переходим улицу на красный свет, с нами могут произойти неприятности: от мелких до непоправимых. Так и в жизни. Все то, что причиняет нам боль и неприятности, тоже есть результат нарушения нами правил жизни. Разница только в том, что правилам дорожного движения нас учат, начиная с детских лет. А вот правила жизни мы вынуждены проходить сами, методом проб и ошибок. И если мы плохо усваиваем урок или не усваиваем его вообще, жизнь снова и снова, с упорством настойчивого учителя, возвращает нас в начальную точку, повторяет ситуацию, в которой мы совершили ошибку. И сопротивляться или увильнуть бесполезно! Урок будет либо усвоен, либо человек, не способный к обучению, как отработанный материал, пойдет в утиль. Теперь я могу объяснить преждевременные, на наш взгляд, смерти. Объект, либо исчерпал себя, и не представляет больше интереса для Вселенского Разума, либо его смерть должна стать материалом для обучения других. На первый взгляд, моя теория может показаться несколько жестокой. Но это именно так. А выбор, учиться или не учиться, делает каждый сам. Я понимала, что я далеко не случайно оказалась еще раз в этой же самой стране, и даже в той же гостинице. Нужно было поразмыслить, в чем здесь дело.

Мои рассуждения прервал звонок в дверь моего номера. На пороге стоял Франц. Он первым делом обнял меня и поцеловал. Наш поцелуй был таким продолжительным и страстным! Ничего удивительного, ведь мы не виделись более трех месяцев, и каждый день мечтали о встрече.

– Милая моя, я так соскучился, я так тебя люблю! – страстно шептал Франц, перемежая слова поцелуями.

– Золотой мой, нежный мой, – вторила я ему, глядя его волосы, лицо, плечи.

– Элен, завтра ты и твой шеф приглашены к нам на рождественский ужин. Будет мой отец, Ирма, и еще кое-кто из наших коллег. Пожалуйста, будь естественной и ни о чем не думай. На Ирму вообще не обращай внимания. Она – просто предмет мебели, необходимость для соблюдения правил приличия, поскольку я еще формально женатый человек. Отец тебе обязательно понравится, несмотря на то, что внешне он довольно суровый. Я думаю, что и ты понравишься отцу. Я хочу поговорить с ним о нас после того, как вы познакомитесь. И еще, у меня есть один план. Обговорим его сразу, чтобы продумать все детали. Я хочу задержать тебя после отъезда Соколова. Нужен благовидный предлог для того, чтобы ты смогла остаться. Но объявить его нужно в последний момент, чтобы Соколов ничего не мог предпринять. Возможно, это могла бы быть, якобы, твоя внезапная болезнь. Думай, ты же у меня умница, да и Николая ты знаешь лучше, чем я.

Зазвонил телефон. Я взяла трубку. Это звонил Николай Степанович. Легко на помине!

– Ну, как устроилась, Леночка? Все в порядке? Нас тобой так далеко поселили друг от друга, что не всякий раз зайдешь просто так, – огорченно проговорил НикСтеп.

Какое счастье, что Франц позаботился и об этом! Не думаю, что нас совершенно случайно рассели в разных сторонах здания, да еще между нами было двадцать восемь этажей, ведь мой номер был на десятом, а его – на самом последнем тридцать восьмом. При самом удачном рас-

кладе, при условии мгновенной подачи лифта, он мог бы добраться до моего номера не менее, чем за пятнадцать минут.

– Нам нужно встретиться, все обговорить. Завтра ведь у хозяев Рождество. Как поздравлять будем? – он явно искал повод для встречи.

Но мне не хотелось сейчас расставаться с Францем.

– Давайте, поговорим об этом после ужина, сейчас хочу привести себя в порядок перед рестораном. Скоро уже придет господин фон Штольц, а я еще не готова, – отвертелась я.

Вечером Франц устроил прием в нашу честь, на котором присутствовали его коллеги и представители банка, участвовавшие в нашем проекте. Все было по-немецки чинно и сдержанно. Долго не засиделись, так как все были заняты предрождественскими хлопотами. Познакомились с управляющим банком, обговорили некоторые детали, назначили дату встречи после праздников.

После ужина мы вышли прогуляться. Был теплый декабрьский вечер. В воздухе витало приближающееся Рождество. От неоновых огней разноцветной рекламы было светло и празднично. Улицы города и витрины магазинов сказочно украшены. Очень оживленно, несмотря на уже довольно поздний час. Магазины были открыты, шла бойкая предпраздничная торговля. Тут и там сновали люди со свертками, пакетами, букетами. Частенько можно было видеть знаменитых персонажей в красных куртках, штанах и колпаках, с белыми бородами, с мешками на плечах. Ну конечно, это Вайнахтсманы (Деды Морозы) спешили к детям и взрослым с подарками! Германия относится к тем странам, где Рождество считается главным праздником и наиболее любимым. С Рождеством люди связывают надежды на исполнение желаний, веру в лучшее будущее. А еще его любят потому, что весь католический мир, с рождественского сочельника до наступления Нового года, устраивает рождественские каникулы. Все погружаются в домашние хлопоты. Это время побыть с семьей, так как Рождество и Новый год – семейные праздники. К столу готовятся разные вкусности. Но главное блюдо, без которого не обходится Рождество ни в одной немецкой семье – это гусь с яблоками! Завтра и нам предстояло увидеть, как по-настоящему празднуют этот изумительный праздник в Германии.

Однако, мне еще нужно было позаботиться о том, что надеть самой. Ни дома, ни в Москве я не смогла найти ничего подходящего. В ту пору найти что-то приличное в наших магазинах было труднее, чем отыскать иголку в стогу сена. А хотелось выглядеть просто потрясающе! И тут мне снова несказанно повезло. Я попросила мужчин подождать меня возле одного из магазинов. Я почти набегу, залетела в «Exclusive», и, увидев это платье, сразу поняла, что оно для меня! Открытый лиф из белого гладкого атласа, выгодно подчеркивал высокую грудь и тонкую талию. Пышная юбка, чуть ниже колена, была из голубой парчи со снежным рисунком серебряного люрекса. В этом платье я смотрелась нежно, изящно и даже слегка таинственно, как хрупкая елочная игрушка. К счастью, я захватила с собой, серьги, кольцо и колечко с голубыми прозрачными топазами в серебряной оправе. Этот комплект – подарок моих родителей на мое двадцатилетие, я особенно любила и надевала только в торжественных случаях. Я свято верила в то, что мои камни, а топазы всех оттенков действительно камни Скорпионов, всегда приносят мне удачу.

Итак, сейчас меня занимал предстоящий визит к фон Штольцам. Надо ли говорить, что я очень волновалась? Встреча с его женой была мне интересна. Как всякой женщине мне было любопытно увидеть свою соперницу. Но не более того. Здесь я чувствовала себя «на коне». Я была уверена, что Франц любит меня, и что свой выбор он уже сделал. Гораздо более волнующей была для меня встреча с его отцом. Я уже поняла, что его решение во многом определяет жизнь сына. Мне хотелось произвести на будущего свекра такое впечатление, чтобы он полюбил и принял меня. Ни в коем случае я не хотела стать яблоком раздора между отцом и сыном.

Готовясь к поездке и зная, что мы будем в гостях в Рождество, мы с НикСтепом приготовили подарки. С ними все было решено еще дома. Для старого фон Штольца мы купили

огромный хрустальный рог с коньяком, для Ирмы палехскую шкатулку для женских мелочей или драгоценностей, изнутри обитую черным бархатом. Это была очень изящная вещица в русском стиле, настоящий подарочный вариант. Для Франца я выбирала подарок очень долго. Нельзя было подарить что-то личное, но хотелось, чтобы подарок понравился, и он мог пользоваться им каждый день. Я остановила свой выбор на письменном приборе с множеством разных предметов, необходимых в офисной работе. Он был сделан из изумительной красоты чароита. Этот полудрагоценный камень добывается только в наших краях, более нигде в мире. Оттенки чароита – от нежного, лилово-фиолетового до темно-фиолетового. Все иностранцы, приезжавшие к нам, всегда охотно покупали разные вещицы из этого редкого камня, и везли домой, как диковину из дальних странствий. И было на что полюбоваться. Особенно женские украшения из чароита в обрамлении серебра или золота выглядели шикарно! Причем, изделия из чароита не выпускаются в массовом порядке. Каждая вещь – авторская работа! Письменный прибор, выбранный мной в подарок, из чароита в сочетании с желтым металлом смотрелся очень достойно. Я надеялась, что он, расположившись на рабочем столе Франца, будет напоминать ему, откуда он родом, и что это связано со мной.

Франц отправил за нами машину. Ровно в девять мы подъехали к старинному большому трехэтажному особняку за городом. Особняк окружал высокий решетчатый забор. Водитель посигналил возле ворот, и они медленно открылись, позволяя машине въехать внутрь просторного двора, припорошенного снегом. Машина остановилась у парадного входа. Как только мы вышли из машины, открылась огромная входная дверь, и показался улыбающийся Франц. Я и НикСтеп, каждый из нас, при виде хозяина, вышедшего лично встречать нас на улицу, принял это на свой счет. НикСтеп считал, что это из уважения к нему, а я была уверена, что из любви ко мне. Франц радушно приглашал нас в дом. В просторной прихожей дворецкий принял у нас верхнюю одежду, и мы проследовали за хозяином в парадную залу, где стояла наряженная огромная красавица-елка, и был накрыт стол. Старый Карл стоял у пылающего камина и покурил трубку. Лицом к нему, то есть спиной к входу, стоял человек, которого я сначала приняла за стройного, скорее всего, молодого мужчину. На это указывало его телосложение, хрупкое, но не женское (довольно широкие плечи, узкий таз) и короткая стрижка. Одежда человека, темные брюки и рубашка, совсем не походили на женский наряд для Рождества. Мы подошли ближе, и Франц представил нас друг другу. В отношении пожилого мужчины я оказалась права, это был его отец. А вот относительно другого человека ошибка вышла. Это была Ирма! Она оказалась довольно красивой, если принимать за красоту только правильность черт. Но ее холодное, надменное лицо, на котором не было и тени улыбки, никак не располагало к общению. Правда, вблизи я рассмотрела, что Ирма была одета очень элегантно: в черные шелковые брюки и изумительной красоты блузку из прозрачной, тоже черной, ткани.

После знакомства всех пригласили к столу. Опять я была в качестве переводчика. Говорила много, ела-пила мало, хотя то, что я успела попробовать, было очень вкусно, особенно гусь и торт со взбитыми сливками. Во время разговора Карл проявлял живой интерес к нашему совместному проекту, расспрашивал нас о нашем городе, о России вообще. Удостоил меня похвалы за мой превосходный, как он выразился, немецкий. Он оказался довольно общительным и даже с чувством юмора. Ирма, напротив, предпочитала отмалчиваться, и вступала в разговор только тогда, когда обращались непосредственно к ней, отвечая краткими односложными предложениями. То ли тема разговора ей была не интересна, то ли общество тяготило, но я отчетливо понимала, что гости ей не в радость. После продолжительного ужина наступило время поздравлений с Рождеством и подарков, которые мы с НикСтепом, следуя традиции, тоже поставили под елку.

Ах, эти чудные рождественские и новогодние дни! Даже очень взрослые и очень озабоченные и занятые люди, пусть хоть совсем ненадолго, но возвращаются в безоблачное детство, испытывая неописуемое состояние настоящего восторга в ожидании чуда, когда в доме появ-

ляется лесная душистая красавица, когда все секретничают и суетятся, готовя подарки и ожидая их! Если вы скажете мне, что знаете хоть одного человека, который не хотел бы найти свой подарок под елкой, я вам просто не поверю!

Наступило время открывать подарки. Мы шутили и смеялись, разыгрывая очередь поисков подарков под елкой. Первому искать свои подарки выпало старому Карлу. Он без стеснения встал перед елкой на колени, и начал перебирать коробки и свертки в хрустящей бумаге. Отмеченные надписью или открыткой с именем Карл, он отставлял в сторону. Таких подарков было шесть: от Франца, от Ирмы, один от нас с НикСтепом, от сотрудников фирмы, от прислуги, работавшей в доме, и от его друга, приславшего подарок с курьером. Надо было видеть, с каким интересом этот пожилой человек разворачивал обертки, как ему не терпелось увидеть, что там внутри. Сквозь морщинки возраста вырисовывалось лицо маленького мальчика, верящего в то, что этот мир создан только для него, и что в такой волшебный день возможно все самое невероятное! Каждый подарок он детально и с интересом рассматривал, каждому дарителю сказал спасибо. Когда дошла очередь до узкой, длинной коробки, Карл лукаво глянул на меня и спросил:

– Что бы это могло быть? Если я угадаю, фройляйн, Вы поете нам рождественскую песню! И он начал строить самые разные предположения. Мы с НикСтепом приняли игру и всякий раз со смехом говорили «Нет!». Наконец, он сдался.

– Герр Карл, эту песню придется петь Вам, но я Вам с удовольствием помогу, – улыбаясь, предложила я. И мы запели с ним немецкую рождественскую песню «О, Танненбаум». Эта песня сродни нашей традиционной новогодней песне «В лесу родилась елочка». Карлу понравилась, что я знаю эту песню, и что у нас с ним хорошо сочетаются голоса. Получилось неплохо, по крайней мере, для первого раза. А потом он открыл коробку и воскликнул:

– О, майн Гот! – В его руках был огромный хрустальный рог с коньяком. – Дас ист фантастиш!. А когда Карл открыл рог и всем налил по «наперстку» коньяку, посмаковал и одобритительно крякнул, мы поняли, что с подарком хозяину угодили.

Следующей была Ирма. Для нее было два подарка: от старого Карла и от нас. При всех она развернула только наш подарок. При виде такой красивой вещицы лицо ее дрогнуло, но она справилась с эмоциями и сдержанно поблагодарила. Хотя я поняла, что палехская шкатулка пришлась ей к душе.

Так уж распорядилась судьба, что жребий открывать подарки первыми выпал всем хозяевам дома. На очереди был Франц. Для него было приготовлено десять подарков, в том числе от отца, от Ирмы и от нас. Так же, как Ирма, он открыл только наш подарок. Это чудо понравилось всем присутствующим. Весь письменный прибор был расставлен на отдельном столе. Выглядело это шикарно! Франц словами благодарил нас за красивую и полезную вещь, а глазами показывал мне, что мой намек понят, и цель достигнута. Нам с НикСтепом тоже пришлось «поползти» под елкой, в поисках наших подарков. Шефу достался набор делового человека из исключительной выделки кожи и дорогушая авторучка, настоящий «Паркер». Он был очень доволен.

Настал мой черед. Открыточками с моим именем было отмечено четыре предмета: две коробочки, одна большая и одна маленькая, а на них лежало два красивых конверта. Первой я открыла большую коробку. Я была уверена, что это подарок Франца, ведь открытка была подписана его рукой. В ней лежала элегантная дамская сумочка, очень стильная и красивая, из дорогой кожи. Я взглянула на Франца, и он сделал мне знак, что внутри лежит еще кое-что, но открывать это сейчас ни к чему. В маленькой был изящный сувенир с рождественским ангелом. Я поблагодарила за него Ирму. Вскрыв оба конверта, я была крайне изумлена и испытала определенную неловкость. В каждом конверте лежал банковский чек на кругленькую сумму дойчмарок. Я растерянно посмотрела на Франца, но тут же мне на помощь пришел старый Карл.

– Милая Элен, я рад, что познакомился с Вами. Но ни я, ни управляющий банком просто не знали, что преподнести Вам в подарок. Поэтому мы решили, что Вы сами для себя что-нибудь выберете. С Рождеством Вас, дорогая! – церемонно раскланялся он. НикСтеп в этот момент слегка кивнул мне головой, как бы позволяя принять подарок.

В отель мы вернулись уже под утро. Перелет и разница во времени давали о себе знать. Мы ужасно устали. Но я, оставшись в номере одна, первым делом заглянула в подаренную сумочку. Внутри лежала небольшая коробочка. Я достала, открыла ее и ахнула! В ней лежало кольцо с изумительной красоты бриллиантом! Вот это подарок! Такие дарят невестам на обручение. И по размеру кольцо подошло как раз на тот палец, на который надевают обручальное кольцо. Мысль о том, что это возможно, показалась мне вполне реальной. Только сегодня вечером я видела их отношения с женой. Чем тут было дорожить? Хотя, тут же возникало сомнение. Ведь, до нашей встречи он почему-то жил с ней в одном доме?! Уснуть я долго не могла. В голове плыли какие-то неясные образы, то волнующие, то пугающие, но они так и не смогли стать отчетливыми. Я только помню, что под утро увидела своего отца. Он был пьян и жалок, и просил у меня прощения. Я так и не поняла, что это было, вдруг провалившись в глубокий сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.